

Лев Друскин
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лев Друскин
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лев Друскин
СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛЕНИЗДАТ • 1976

Друскин Л. С.

Д76 Стихотворения. Л., Лениздат, 1976.

168 с.

В сборник известного ленинградского поэта Льва Друскина включены стихи из ранее вышедших книг, а также раздел новых стихотворений.

Д $\frac{70402-212}{\text{М } 171(03)-76}$ 127-76

© Лениздат, 1976

Первые стихи Льва Друскина задолго до того, как он стал профессиональным поэтом, заметил и похвалил Самуил Яковлевич Маршак и не оставлял его без своего благожелательного и требовательного внимания, когда тот стал печататься, издавать книги. Предисловия к книгам стихотворений Друскина писали такие большие мастера нашей поэзии, как Тихонов и Прокофьев. Поэты жили тогда в Ленинграде, и их естественное внимательное отношение к способным авторам, появлявшимся в Ленинграде, ощущал в своей работе и молодой поэт. На мой взгляд, плодотворней всего оказались в стихах Друскина уроки мастерства Самуила Яковлевича Маршака, хотя ученик, вспоминая те давние уроки, и напишет позднее о том, что он строптив был в учении:

Вернусь домой
и стул к столу поставлю.
Но ни одной строки
не перенравлю ..

Но, разумеется, это строки о характере ученика, а не о результатах общения с мастером. Требовательно строгое отношение к своей строке, к слову, поставленному в ней, пришло к ученику от учителя с годами и стало необходимостью в работе, и это отметит каждый, кто внимательно прочтет стихи Друскина, в особенности те, которые наполнены мыслями и чувствами глубокими и сильными при всей их внешней негромкости, неброскости.

Творческие судьбы складываются по-разному, по-своему у работающих в поэзии, и тем они и интересны читателю.

Книга избранных стихотворений включает в себя стихи из пяти книг, изданных Друскиным в разные годы, а также новые стихи. Она наиболее полно представляет его читателю.

В нашей поэзии были и есть поэты, для которых источником вдохновения во многом служили и служат духовные ценности в конкретном выражении, будь то книги, литературные герои, произведения музыки и живописи, воспринятые и трансформированные в их творчестве, как реальный, материальный окружающий мир; такая поэзия имеет свои традиции, так же как и поэзия, основанная на использовании, скажем, фольклора. Для этих поэтов мир является единым в восприятии его духовного наследия и окружающей природы и даже быта.

У Льва Друскина много стихотворений посвящено героям книг как русской, так и мировой литературы, они для него так же реальны, как и друзья, с которыми он дружит и о которых он пишет. И эти стихи никак нельзя назвать книжными потому, что они выражают отношение к литературным героям по-своему. Вот, к примеру, запоминающиеся и яркие стихи из биографии автора о днях войны, о том, как его, больного и истощенного от голода, эвакуируют из блокированного Ленинграда. Стихи с реальными подробностями военного быта, запечатленными точно и скупно. Но такие же точные, реальные подробности и в стихах, скажем, о литературной героине романов Алексея Толстого. И те, и другие стихотворения составляют один поэтический ряд.

В книге Друскина интересна драматическая поэма с Бетховене, о сильном творческом духом человеке, не отступающем от своих жизненных и, стало быть, творческих принципов ни в чем, даже в мелочах. В книге рядом с зарисовками пейзажей, с картинками, стихи-раздумья, стихи, передающие верно и естественно переживания и настроения даже в самой избранной интонации. Разумеется, есть в книге и менее интересные, менее состоявшиеся стихи, но эта книга — путь автора за несколько лет, его творческое движение. А путь этот, на мой взгляд, будет интересен читателю, потому что это путь утверждения добра и обретения нравственной стойкости в поэтическом творчестве.

Сергей Орлов

Лиле

*И ты — моя утеха и отрада,
Царица дома и царица сада,
Мое мученье, мед моей строки,
С тобой мне томно и с тобой мне сладко...
И только небо темное украдкой
Глядит на наши белые виски.*

I

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ БЕТХОВЕНА

(Отрывок)

Бетховен

Как я одинок!

О боже, как я одинок, как жалок!
Бессонный шум стоит в моих ушах,
В нем тонет все, и кажется порою:
Не я оглох, а мир весь онемел.
Часы качают маятник беззвучно,
Беззвучный дождь спускается на землю,
В саду беззвучно пенится ручей, —
В душе живут воспоминанья звуков.
Я с детства был общительным. Мне люди
Всего дороже. Но от них я прячусь,
Бегу от них, затравленный стыдом.
Когда они беседуют спокойно,
Не слышу я. Когда они кричат,
Меня берет за горло униженье
И душит, душит.... Музыка моя,
Приди на помощь мне! Я столько раз
Рыдал, упав лицом на фортепьяно.

В слезах рождались звуки. Мир опять
Звучал и пел. Ко мне сходились люди.
Я видел их протянутые руки
И лица в светлых радостных слезах.
Я радость приносил им. Вот опять,
Опять знакомый холодок восторга
Сжимает сердце мне. Вся жизнь моя
Проходит в звуках... Я нашел, пашел!..
Я слышу голос: «Не напоминайте
О поре больше. Пусть сияет радость!»
Могучий Шиллер, подскажи слова:
«О радость! Радость!
Мы, полные огня, вступаем
В святилище твое. Подобно солицам,
Летящим в ослепительном просторе,
Друзья и братья следуют за нами.
О радость, ты сроднила миллионы,
И люди станут братьями повсюду,
Где веет нежное твое крыло».

(Стук в дверь. Пауза.)

Г о л о с Ш и л л е р а

Открой мне, Людвиг, это я — Антон.

Б е т х о в е н

А ты один?

Ш и л л е р

Один.

Б е т х о в е н *(отпирая)*

Тогда войди.

Ш и л л е р *(входя)*.

Насилу я сбежал от них... Лихновский
Пошел прогуливать гостей. Он клялся...

(Пугаясь.)

Да что с тобой? Да на тебе лица...
Да успокойся же...

Бетховен (*качая головой*)

Нет, Шиндлер, нет.

Я не об этом... ты не понимаешь.

Поздравь же, обними меня: сегодня

Я победил природе вопреки.

И что мне глухота? И что мне старость?

И что мне жизни мелкие обиды?

Я напишу — теперь я твердо знаю —

Девятую симфонию мою!

II

* *
*

Звенели осы в синий зной,
И вторил им ольшанник,
Я шел дорогою лесной —
Я тоже в мире странник!
Я гладил спину ручейка
Горячими руками,
И плыли надо мной века,
Мешаясь с облаками.
Я в дом просился почевать,
Но если был я лишний,
Я уходил в свой лес опять
И напевал чуть слышно.
И дерзкой, ласковой веспой
И зимней белизною
Я шел дорогою лесной,
И мой сурок со мною.

* *
*

Прямо в облаке развели костер.
Я меж двух озер — как меж двух сестер.
Ходит правое, смотрит павою.
Смотрит левое королевою.
Ах, любовь моя — упование,
Справа влажное воркование.
Ах, любовь моя — упоение,
Слева влажные уверения.
Ах, любовь моя! — я и сам твержу.
Даже здесь ты с ней, не покинь се.
Я заслупался, на спине лежу,
На груди моей — небо синее.

И, прошлое отбросив мигом,
Одним ударом все порвав,
Ты укатила в город Ригу
И там купила новый шкаф.
Стоит он символом зловецим,
Едва скрывая торжество,
И шепчет мне, что даже вещи
Уйдут из шкафа моего.
Собравшись в путь, прощально брошка
Блеснет, как лезвие луча,
По коридору босоножки
Уйдут, чуть слышно топоча.
И две кунички, что лежали,
Умильно мордочки подняв,
И плечи милой обнимали,
Проворно лоркнут в новый шкаф.
Предвестием второго брака
(Такого только в дом пусти!)
Он деревянной раскорякой
Стоит у счастья на пути.
Да, к мебели нужны, родная,
И приложения к тому ж —
И скоро явится, я знаю,
За новым шкафом новый муж.
Шаги заслышу в коридоре
И вспыхну весь, тебя позвав:
«На! Забери с собою горе
И положи в свой новый шкаф!»

* *
*

И опять про счастье, про победу —
Что пробьюсь, что не загину я...
«Милый, ложка дорога к обеду,
Баснями не кормят соловья!»
Грустно возвращаться к этой теме,
Но давно исчез твой легкий след.
Улетел соловушка за теми,
У кого есть ложка и обед.

* *

*

Сегодня на закате дня
Мой катер вышел из огня.
Он шел зигзагами сквозь пекло,
Но как по черепу топор
И навесной огонь, и беглый —
С фортов далеких и в упор.
И кровь примешивалась к пене,
И под осколков острый вой
Сползал, согнувшись, на колени,
За руль цепляясь, рулевой.
И все же на закате дня
Мой катер вышел из огня.
Любимая! Со мной свирепо
Ты справлялась до сих пор —
И навесным огнем, и беглым,
С фортов далеких и в упор.
Я был бледней своей же тени,
Но ты, жестокая любовь,
Меня швыряла на колени —
Я поднимался, падал вновь...
И все же на закате дня
Мой катер вышел из огня.
Смотри: он скалы опирает.
Смотри: он жив — и маяки
Ему сочувственно мигают...
Потопишь? Руки коротки!
Как ветер, мужество окрепло.
И не страшны мне с этих пор
Ни навесной огонь, ни беглый,
Ни дальнобойный, ни в упор.
Сегодня на закате дня
Мой катер вышел из огня.

СТАРЫЙ БЕРКУТ

Старый беркут — существо
Сложное.
Крылья пыльные его
Сложены.
За решеткой, на суку
Скорченном...
Налетался на веку —
Кончено.
Но внутри в нем все поет.
Клетка — где она?
Взрывом крылья — и в полет:
Дело сделано!
Полон счастьем одним,
Полон мужества...
Горы снежные под ним
Плавно кружатся.
Моря даль видна ему,
И гроза видна.
Он летит сквозь свет и тьму —
Даже завидно!
За решеткой, на суку,
Весь — движение...
Не теряйте к старику
Уважения.

* *
*

Ты напрасно голову морочишь,
Ускользнуть надежду затая,
Хочешь ты того или не хочешь,
Будешь обязательно моя.
Я ипраю напярмик, без правил,
И не раз ты предупреждена:
Я вокруг силки стихов расставил —
Все равно запутаться должна.
Ты придешь, веселая и злая,
Потому что нет тебе пути.
Свой испуг старательно скрывая,
Ты придешь и скажешь: «Отпусти!»
Сбудется тогда, о чем мечтаю,
Сбудется тогда, о чем грущу...
Честно, наперед предупреждаю:
Ни за что тебя не отпущу!

НЕВЕСТА

Невеста — какое смущенное слово!
Недаром оно покраснелось, как зорька.
В нем ветер, и свежесть воды родниковой,
И страх перед пьяным и ласковым: «Горько!»
Оно, словно лебедь, слепит опереньем,
Прозрачными к небу восходит клубами,
И хочется встать перед ним на колени,
И пальцами трогать, и гладить губами.
Ему в словаре на подушке пуховой
Давно приготовлено главное место...
Какое тревожное, хрупкое слово,
Какое смущенное слово — невеста!

* *
*

Быть может, так и вправду надо,
Чтобы конец не стал концом?
Опять любовь с ее усладой,
С ее насмешливым лицом,
С тягучим, ласковым дурманом...
Ну что ж, носи ей шлейф пажом!
Опять любовь с ее обманом
И в сердце целящим ножом.
Пусть так. Я принимаю вызов.
Вовек назад не поверну.
Моя рука сжимает визу
На въезд в желанную страну.
Погибну? Вам какое дело!
Прощай. Обратного не зови.
Передо мной нагое тело
Кю мне тянущейся любви.

* *

*

Сегодня в квартире уборка, уборка —
Поспешно шагает в переднюю стол,
Смеется водою залитая горка,
А день по делам проходил и зашел.
Он смотрит внимательно, стоя у шкафа,
На табор вещей, на смещенный уют,
Как тряпка со всхлипом кидается на пол,
Как тети мигают, как руки спуют.
День ловит движение каждое зорко,
Его повторяя заметно едва.
Сейчас на планете уборку, уборку
Устроит и он, засучив рукава.
И, радуя праздничной женской отвагой,
Ты вносишь — усталость тебе нипочем! —
Ведро, полыхнувшее солнцем и влагой,
Меня на мгновение коснувшись плечом.

* *

*

Утро —
Босое, озябшее.
Сутулое, заплаканное небо.
Дождь,
Бормочущий сквозь зубы
Что-то неразборчивое.
В пузырящейся луже
Сиротливо кружится бумажка от конфеты.
Прощай, лес!
Прощайте, печальные сосны
И равнодушное море!
С мокрой осенней толпой
Мы протискиваемся в холодную электричку.
Твои мокрые ладони
Греются в моей —
Сухой и горячей.
Задрожав, трогается вокзал.
Я закрываю глаза,
И мне кажется,
Что мы летим на самолете
Навстречу весне.
Белые радостные облака,
Первый гром над ленинградскими мостами,
Первая весточка,
Первая ласточка...

СЛЕДЫ

Вечер перемешан с январем.
Девушка прошла под фонарем.
Кто она? Брюнетка? Иль блондинка?
Или золотая серединка?
Я спешу, держа батон под мышкой,
В теплое, уютное жильё.
Я женат, доволен, даже слишком!
Девушка? Да что мне до нее!
Но, сметая мой покой беспечный,
Сквозь морозы движется гроза...
А какие у девчонки плечи?
А лицо? А губы? А глаза?
Я иду домой, себя ругая:
«Сколько в мыслях разной ерунды!»
А по снегу, в сумрак убегая,
Торжествуя, зля, опровергая,
Завистью внезапной обжигая,
В чье-то счастье тянутся следы.

* *
*

„Золотые ворота́ —
Проходите, господа!»

Знаешь, ветер, где-то в детстве
Я смотрел на ту игру,
И катилось мое сердце,
Словно мячик по двору.
А за дырочкой в заборе,
Опираясь на весло,
До небес стояло море —
И качало, и несло.
Ах, когда все это было,
Да и было ли когда?
Задышало, зарябило:
Может, вспомнила вода?
Ведь недаром же стучалось
В окна темные весло —
Засверкало, закачалось,
Закружило, понесло.
Дни, как яблоки литые,
Море, полное наяд,
И Ворота Золотые
На пути моем стоят.

III

* *
*

Эшелон составлен не по форме
И набит осколками семей.
Я лежу на стоптанной платформе,
На носилках памяти моей.
Сняли, просьб и стонов не послушали.
«Помираешь. Тут не до возни».
Мама, вся от голода опухшая,
Мается: «Сынок... Не довезли...»
И берут носилки два солдата.
В горле уголь колок и горяч.
Им и тем, кто виден мне, кто рядом,
Я твержу: «Привет из Ленинграда!» —
Шепотом, срывающимся в плач.
Я держусь, хоть в мерное движенье
Входит боль, как всполохи огня.
Я горжусь, что с горьким уваженьем
Эти люди смотрят на меня.
Сторонись: проносят ленинградца.
Ленинградца — одного из них.
Только надо очень постараться,
Чтобы слез не видели моих.

* *
*

Был соперник счастливый
У меня до войны.
На него ты глядела
Глазами жены.
Ты ладонь его грела
В мороз у щеки,
И сжимался я весь
От обидной тоски.
Он убит.
Он зарыт.
Он пропал на войне.
Никогда не войдет он
К тебе и ко мне.
И не он твои волосы ворошит,
И сидит у стола,
И газетой шуршит.
И обнять тебя может
И ночью, и днем...
Он убит.
Он зарыт.
Я жалею о нем.
Никогда не войдет он
К тебе и ко мне...
Почему же я слышу
Шаги в тишине?
В окна — горькая мгла,
В двери — ветра порыв,
И ушанка легла,
Мою шапку прикрыв.
Он сидит у стены,
У стола моего,
И глазами жены
Ты глядишь на него.

* *

*

А мы разжигали
Костры эти тоже —
На рыжих коней
Они были похожи.
Веселые, жаркие,
С гривой торчащей...
Да только на них
Не уедешь из чащи.

Хрустят они сучьями,
Фыркают грозно:
«Садитесь, садитесь,
Покуда не поздно!»
Скрипение седел
И повод свистящий...
Да только на них
Не уедешь из чащи.

Хотят они неба
Ноздрями касаться,
Зовут они, просят
И глазом косятся.
Хорошие копы,
И пыл настоящий...
Да только на них
Не уедешь из чащи.

На них не уедешь,
На них не умчишься...
Что ж ходишь ты, рыжий,
И глазом косишься?
Сидим под сосною,
И фыркают кони
В сквозные и жаркие
Наши ладони.

СКАЗКА

Просвечена до дышка
И взвешена до камушка...
«Ау, ау, Аленушка!»
«Иду, иду, Иванушка!»
Спешишь дорогой, брошенной
Наивной синей лентою,
К нам, в наши души сложные,
Насквозь интеллигентные.
Пойми: куда ты просишься?
Зачем в табачном омуте
Ты сквознячком проносишься
По современной компате?
На миг улыбкой тронувши
Суровый рот у краешка...
«Ау, ау, Аленушка!»
«Иду, иду, Иванушка!»

* *
*

На сцене, под прожекторным лучом,
Лежит Тибальд, заколотый мечом.
Беспомощно, как раненые дети,
Вокруг него рыдают Капулетти.
А к горлу подкатило и щемит...
И милосердный занавес шумит,
Их горе заслоняя. И мгновенно
Тибальд шивстал на левое колено,
Мигнул Джульетте — собственной жепе,
Меркуцио похлопал по спине,
И мимо — в дверь, и закусить на славу
Спешит домой, мурлыча Окуджаву:
«Один солдат на свете... Ти-ра-ра...»

И мне бы так со смертного одра!

Борису Смоленскому

— Кем ты хочешь быть на бригантине?
— Кем хочу? Конечно, капитаном!
— Ай да паренек! Губа не дура!
Вот он капитан — старик усатый,
Приручил муссоны и пассаты,
Он во льдах и в Индии — как дома,
В трюме у него бочонок рома.

— Кем ты хочешь быть на бригантине?
— Кем еще? Да боцманом, пожалуй.
— Опоздал и тут, глаза протри-ка:
Вот наш боцман — важно ходит с дудкой.
Он к штормам и ругани привычен,
Кулаки болят от зуботычин.

— Кем ты хочешь быть на бригантине?
— Я тогда согласен и матросом.
— Вся команда набрана, дружище,
Пятый день мы новых рук не ищем.

— Кем ты хочешь быть на бригантине?
— Ну хотя бы юнгой... юнгой можно?
— Даже юнга есть — вон шваброй драит.
Он работать должен сколько влезет,
Выносить и брань, и колотушки,
Но зато, когда на мачту влезет,
Мир у ног, а небо у макушки.

И уходит белая громада.
Все на месте. Никого не надо.
Таёт в море моря украшенья,
И так горько слушать утешенья:

«Потерпи немного, станешь юнгой,
А потом, конечно, и матросом,
А потом и боцманом, пожалуй,
Ну а там, глядишь, и капитаном».

* *
*

Муравей — Самсон, Поддубный скромный,
Как ты тащишь этот груз огромный?
Как, должно быть, дышишь горячо!
В сотни раз готов я сократиться,
Чтоб с тобою рядом очутиться,
Чтоб подставить и свое плечо.
Дерсу, в котором два обхвата,
Что ты взмыло надо мной крылато?
Ну зачем же так воображать?
Думаешь, я мал и не достану?
Подружись со мной, я рядом встану,
Чтобы вместе небо подержать.
Теплый ветер трогает мне веки,
Вены перешолнились, как реки,
Зоркой кровью, радостью живой.
Кто со мною породниться хочет?
Муравей у ног моих хлопочет,
И бушует дуб над головой.

* *
*

Сергею Юрскому

Спроси стрижей:
— Куда, стрижи?
— Мы из Кижей
Летим в Кижь.
Путем кружным
Стрижиным —
К маковкам
Кижинным.
Те маковки
Не маковы,
Их в облака обмакивали,
Их солнышком обмазывали,
Со всех сторон показывали.
И с этой — ох,
И с этой — ах,
А сверху лето — все в стрижах.
Грустишь?
О чем, скажи нам?
Ведь ты ж
Не стриж,
Как мы стрижи,
Не полетишь,
Как мы, в Кижь
Кружным путем
Стрижинным.

Сегодня, в колокольный день Шекспира,
Я рано лег. Какая-то забота
Меня давила. Три-четыре строчки
Я повторял и все не мог понять:
Удача это или неудача?
И вот, когда мохнатый, гешлый сон
Меня накрыл, я грелся у камина
С резными львами, а над ним сушился
Мой югославский плащ за сорок восемь
Усердно заработанных рублей.
Дверь скрипнула, но я не оглянулся —
Я всей спиною понял, кто вошел.
И молча мы сидели на скамье.
Не шевелясь, я видел краем глаза
Его большие умные ладони
И на камзоле винное пятно.
А из кармана смятые листочки
Торчали — ну совсем как у меня
Или у Саши Кушнера, хоть знал я,
Что это «МАКБЕТ» или «МНОГО ШУМУ
ИЗ НИЧЕГО». И что-то в этом было
Щемящее, роднящее поэтов.
И снова те же три-четыре строчки,
Поднявшись, мне защекотали губы.
И я взглянул впервые. Он смотрел
С внимательным и добрым ожиданьем.
И стыдно стало мне. И я проснулся.

ПЕРВАЯ КНИЖКА

Мой старый учитель снимает калоши,
И шапку снимает, и шарф, и пальто,
Меня от почтения просто колотит,
И я говорю невпопад и не то.
«Мой старый учитель, какой же вы старый!
Теперь не посмел бы я вас огорчать.
Я трудный был, правда? Со мною хватало...»
А он: «Знаменитый — и трудно опять».
«Какой знаменитый? Ведь первая книжка.
Пять тысяч тираж — и в помине-то нет».
А он все свое повторяет: «Мальчишка —
И вот тебе, пате! — известный поэт».
«Какой же известный?..» За окнами выюга,
Горластому ветру не крикнешь: «Молчи!»
Но, тучу размыв, ободряя друг друга,
В седое стекло застучали лучи.
И солнце плечом занавеску срывает,
Надежда идет по весенней земле,
И старый учитель мне важно кивает,
И первая книжка лежит на столе.

ПОЭТ

А. Кушнеру

Был приход поэта странен.
Он вошел, смиряя шаг,
Пряча крылья за плечами
Под потрепанный пиджак.
Он сидел обывковенный
(Я-то знал, кто он такой!),
Лишь мелькал огонь мгновенный,
Как зарница пад рекой.
Зарывались мысли наши
В слой словесной шелухи.
И тогда сказал я: «Саша,
Почитали бы стихи».
В запрокинутом затылке
И в широком жесте — взрыв,
Дух рванулся из бутылки,
Заклинанье подхватив.
Он стоял в красе и в силе,
И знаком, и незнаком,
И тревожно бились крылья
Под высоким потолком.

* *

*

Какие незнакомые предметы!
Ночная тьма размыла их приметы,
Лишь дверца шкафа светится одна,
И тишина — такая тишина,
Что кажется: прижались к полу звуки,
Лицом уткнувшись в маленькие руки.

Твоей ладони жаркая печать
Легла на губы и велит молчать.
На кухне кран забыл, что можно капать,
Часы остановились как на грех...
Сейчас Щелкунчик выглянет из шкафа
И громко-громко разгрызет орех.

Михаилу Петрову

Спасибо за движение!
Что может быть блаженнее?
Выходят на сближение
Далекie поля.
Выходят на сближение,
Меняют положение —
В их царственном кружении
Участвую и я.

Планета не смущается,
Что так перемещается.
Движенью все прощается —
Теперь я вечно с ним,
И вдруг теней мелькание
Прервалось, как дыхание,
Исчезло, как дыхание,
И мы уже стоим.

Но что мне грядки сытые,
Меж двух строений вбитые,
Скамейки, насмерть врытые
У тихого крыльца?
В моем воображении
Дороги патяжение,
Во мне гудит движение —
И нет ему конца!

Касанье взглядов и локтей
И вдруг — до гнева, до испуга —
Непониманье двух людей,
Как бы теряющих друг друга.
И мы на узкой простыне
Тоскуем — каждый за стеною.
(Не разговаривать же мне
С твоей повернутой спиною.)
Грозой разбитая семья,
Разбросанные вихрем вьюжным
Две ледяные глыбы... Я
На северном, а ты — на южном.
Лежу один, глаза закрыв.
Какая боль — вы не поймете!
Деленье клетки — на разрыв,
Живое раздвоенье плоти.
Два существа, два бытия,
Отвергнувших прикосновенье,
Два разных мира — ты и я,
Два горя, два недоуменья.

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Я проснулся сегодня
В глухом раздраженье...
Раздражало меня
Занавески движенье
И снежок за окном —
Молодой и несмелый:
Отвратительно чистый,
Отвратительно белый.
Все меня в этот день
Доводило до злобы:
И семейство,
И пошлые эти сугробы.
Все валилось из рук,
Было гнусно, отвратно.
Наплевать отчего —
Лучше пусть непонятно.
А когда я оделся,
Злоба вышла со мною.
Отвратительно бухнула
Дверь за спиною.
Я шагаю по лесу
В скрипучей тужурке
И под ноги деревьям
Швыряю окурки.

РЕВНОСТЬ

Разлюбила? Не разлюбила?
Как в глаза этим ветром било!
Там, в раю, у самого моря,
На краю у самого горя.
Изменила? Не изменила?
И меня в тот капкан заманило!
Чет и печет — и вновь: чет и печет.
Рвет и мечет любовь, рвет и мечет.
Рядом дышит моя потеря,
Я смотрю на нее со слезами,
И выходит из-за портьеры
Мавр с налитыми кровью глазами.
Он над спящею серый-серый.
Он уходит опять за портьеру.
Почему ты так ровно дышишь?
Почему ты меня не слышишь?

Там ива, опираясь на костыль,
Стояла хмуро — горькая калека.
Теперь уж я немного поостыл,
А раньше все в ней видел человека.
И так жалел! Забрать бы груз обид,
Шагнуть с тропишки, взять се за локоть,
И привести под крышу, и не трогать:
Пусть отойдет — сама заговорит.
Пылают в печке жаркие дрова,
И грусть не к месту, и тоска некстати...
Ну что опять ты выдумал, мечтатель?
Стыдись, чудак, седая голова!
И я, уже мешая явь со сном,
Твержу себе (а боль не утихает):
— О чем ты? Это ж дерево вздыхает,
Не человек горюет за окном.

* *
*

Не пусти меня по миру, по миру,
А отправь меня по морю, по морю —
К новым замыслам, к новым словам,
К самым лучшим твоим островам.
Надоели мне стужи январские!
Где Курильские? Где Канарские? —
С птичьим криком у каменных плеч.
Дай мне вскинуть тетрадь эту парусом.
Отпусти меня в море, пожалуйста,
Губы пресные солью обжечь.

Когда душа в тревоге чудной
Дрожит, как палец на струне,
Я уйду на мол безлюдный
Навстречу ветру и волне.
И надо мной, над краем суши,
В смешенье вод и облаков
Парят стремительные души
Давно погибших моряков.
И слово лишнее, отчаясь,
Как рыбка, бьется на песке,
Но я его не замечаю
В своей предпесенной тоске.
Парю в безмолвии великом,
Весь — ожиданье, не дыша.
И чайки спрашивают криком:
«Ты чья душа? Ты чья душа?»

МОЙ ДЕД

В веселый день сорокалетия
Так странно думать мне, друзья:
Жил человек на белом свете
И был Лев Друскин, как и я.
Он был, как я, Менахем-Мендл —
Поэт, мечтатель, сумасброд.
И бабка плакалась соседям
И подавала на развод.
Он ничего — чудак — не нажил,
Он так и умер бедняком.
Но ангелы спускались даже
К нему от господ тайком.
И вот он входит — ты не смейся:
Он первый гость в моем дому!
Он говорит, потрогав пейсы,
Как все здесь нравится ему.
И у тебя прощенья просит,
Что он не в модном сюртуке,
И тост красивый произносит
На непонятном языке.
И я сажусь поближе к деду,
И мы, забывши обо всем,
Ведем ученую беседу
О том — о сем, о том — о сем.

Он раскинулся щедро, рубаху сорвав.
Он затылком ушел в лепетание трав.
Погляди, как пристроилась ловко
На груди его татуировка.
Наклонившись легонько, как будто ко мне,
Каравелла стоит на мохнатой волне.
Ну скажи, не об эту ли рубку
Магеллан выколачивал трубку?
Мы на палубу ступим. Пусть спит человек.
Пусть колышут и нас его вздохи.
Паруса облаками. Шестнадцатый век.
Сколько плыть нам до нашей эпохи!
Доплывем ли? Не скроешь уже седину.
Якорь погнут, и цепь заржавела.
Но колышется грудь и вздымает волну,
И вздымает волна каравеллу.

Свернем сюда, не надо напрямиком.
О как мне эта улочка желанна!
Вы мне твердите, что она обманна
И кончится нелепым тупиком.
А мне она сейчас, как с неба манна...
Я вас прошу, не надо напрямиком.
Вы сердитесь? А я уже в плену.
Вся звонкая, как просека лесная!
Она уводит в сторону? Я знаю,
Я верю вам... И все-таки сверну.
Но мы сперва закончим разговор.
Так стыдно жизнь разыгрывать по нотам!
Я был еще мальчишкой желторотым,
Когда меня тянуло в каждый двор.
И мучило и мучит до сих пор:
Что ждет меня за этим поворотом?

Юрию Варшавскому

Леса набросаны вчерне,
Поля едва намечены —
Они готовы не вполне
И не очеловечены.
И даже моря полоса,
Неудержимо гибкая,
Сегодня утром стерлась вся
И кажется ошибкою.
Как распростертые тела,
Тенистый след за дюнами.
И недоделаны дела,
И мысли недодуманы.
И я стою, как день, устав,
В печальной отрешенности...
На всех деревьях и кустах
Налет незавершенности.

СЮИТА БАХА
«НА ОТЪЕЗД ЛЮБИМОГО БРАТА»

Мы с маэстро, трепетом объатым,
Смотрим одинаково
На отъезд возлюбленного брата
Иоганна-Якова.
Ждут его несчастья и разлуки,
Длинный путь с ухабами.
Вот что будет, — уверяют звуки
И вздыхают жалобно.
Вот что будет (каждый вздох об этом),
Если, вспыхнув лаково,
Увезет холодная карета
Иоганна-Якова.
Лучше бы он дома находился —
Как, бывало, в юности.
И сидел бы с братом, и дивился
Странности и струнности.
Для чего бежать в чужие страны
Из страны Гармонии?
Грустно Иоганну-Себастьяну,
Грустно филармонии.
Очень грустно с музыкой расстаться,
Что, колдуя, плакала.
Очень просим дома мы остаться
Иоганна-Якова.

* *
*

Литейный цех земли, плавильня,
Где мы лежим — к бруску брусок.
И море нам помочь бессильно,
Валясь в истоме на песок.
И, в зной песка закутав тело,
Шепнув мне лживо: «Не гляди!»,
Ты прикрываешь неумело
Медовый вырез на груди.
Ты притворяешься женою
И главной радостью земной,
Ты обращаешься со мною
Самоуверенно, как зной.
Но жаркий день уже в смятенье,
Темнеет дно песчаных ям,
И молча наступают тени,
Оплавленные по краям.

* *
*

Я новый день — мешком на плечи.
Ну кто я здесь? Ни брат, ни сват...
А лес прохладен и застенчив,
И даже как-то простоват.
И мошки сыплются, дурашки,
В травы мохнатую мошну,
И все тропинки нараспашку
В березовую тишину.
И в бликах солнечных по пояс
Лежит, ни тени не тая,
Река, спокойная как совесть,
Как совесть хитрая твоя.

Дашенька, Иван Ильич уехал.
Душенька, голубушка, не плачь.
Ты не знаешь: это только веха
Будущих удач и неудач.
Ветер века и тебя догонит.
Вот он — не жалеет, не щадит.
Унесет, как птицу на ладони,
В лучшие наряды обрядит.
Вместо шубки с норкой — гимнастерка,
Звездочки неровные края...
Пахнут травы яростно и горько,
Радостно, как молодость твоя.
Этот день не так уж плохо прожит.
И, вздохнув во мраке горячо,
Конь всхрапнет и голову положит
На твое дворянское плечо.

* *
*

Галине Гампер

И покатались дни, как малые песчинки,
Как времени поток, оборванный на миг.
Был сломан небосвод, но вышел из починки,
И может отдохнуть угрюмый часовщик.
Он бросил инструмент, он вытянулся сладко.
Прикосновенья звезд — не знать бы их вовек!
Он на земле лежит, как серая заплатка.
Что взять с него теперь? Усталый человек.
Усталый человек — и немощный, и кроткий.
Я узнаю себя и горестный свой путь.
Что взять с меня теперь? А лупа и отвертка
Блестят в сырой траве — лишь руку протянуть.

Я слышу, как скрипит земная ось.
 Все судорожной океан зевает,
 Все медленнее звезды проплывают...
 Остановилось.
 Смерзлось.
 Не сбылось.
 Ну вот, мы все и умерли на свете.
 Холмами птиц стеклянные тела.
 Лежит на косогоре мертвый ветер,
 И даже боль, поникнув, умерла.
 Нет ничего. И только холод вечен.
 Но что это? Стучит, стучит движок.
 Опять ты споришь, сердце человечье?
 Пора. Мы снова двинулись, дружок.
 Отправились, поехали, поплыли
 Рекой надежд, дорогами обид...
 Осыпан лоб прохладной звездной пылью,
 И ось земная больше не скрипит.

НЕВЕСТА ИКАРА

Я убирала дом наш старый,
Со стен сметала сонных мух,
Когда раздался клич Икара
И люди хлынули на луг.
Как в праздник, я в толпу вбежала,
Мне щеки жгло, мне горло сжало,
Я затерялась в кутерьме,
Но разошлись внезапно спины,
Как будто ветер их раздвинул...
А на холме... А на холме...
Ах, этой ночью плыли стены,
Дышали пальцы на груди...
И шепот быстрый и надменный:
«Сама увидишь. Приходи».
Но разве в жизни так бывает,
Бывает разве у живых?
Он к солнцу желтому взмывает
На желтых крыльях восковых.
Он плоть свою переливает —
Как бог! — в огонь и синеву.
Но разве в жизни так бывает,
Бывает разве наяву?
И в ослеплении великом
Стояла я... И каждый ждал...
И опускался с черным ликом
На землю
Плачущий Дедал.

Виктору Борисовичу Шкловскому

Нас Летний сад не водит за нос —
Он не обманщик, не шутник.
И вот уже двуликий Янус
В осенней горечи возник.
Я — человек, к нему идущий,
Не плоть, а тонкое стекло...
Два глаза видят век грядущий,
Два — все, что былью поросло.
Горит весельем, в горе тонет
Четырехглазый этот взгляд:
Татарской бурей мчатся кони,
Над ними — спутники летят.
Зачем же собирать улики?
Не ройся в книгах — ни к чему.
Он не двуличный, он двуликий,
И я завидую ему.
Как юный лик высок и пылок!
А в старом — сила мудреца.
Я тихо тронул свой затылок:
А нет ли там еще лица?
По желтым листьям бродят блики,
Перемешались век и миг.
Стою печальный, одноликий,
А мир вокруг тысячелик.

Зачем тоскуешь серыми глазами?
Я только твой. Я рядом. Как всегда.
И ты, вздохнув, берешься за вязанье,
А я иду смотреть на поезда.
За поворотом прячутся покорно
Печальный дом и женщина в окне.
Дрожит, дрожит дощатая платформа,
И эта дрожь передается мне.
Над полотном — зеленый и янтарный.
Сто вьюг, сто вихрей их не замели.
Мне все равно — курьерский иль товарный:
Вагоны пахнут горечью земли.
И забываю я о постоянстве,
И лживых обещаний не даю,
И ветер странствий, добрый ветер странствий
Берет в ладони голову мою.

* *
*

Доро́га, доро́га, доро́га,
Дорога какая ни есть,
Помилосердствуй немного —
Позволь мне на камень присесть.
Блаженно пристроить колени,
Почувствовать лень и покой,
Зажмурясь, забыть о движении
И камень проверить рукой.
Он теплый, он мохом покрытый,
Тяжелый, надежный вполне:
Опора, ограда, защита —
Такой же, как будет на мне.

УТРО В ЗЕЛЕНОГОРСКЕ

В окно влетают с гулом поезда.
Ты спишь — тебе уютно в этом гуле.
Твоя рука на низкий подоконник
Легла, как пятистишье. За окном
Высокие, ученые деревья.
Смешно! Они по-фински и по-русски
Умеют говорить. А по-арабски?
Конечно, да. Ведь там, на чердаке,
Две ласточки пристроились. Они
Сюда являются уже четвертый год.
И каждый раз — представьте! — из Египта.
Счастливые... Но не счастливей нас.
Усталая моя, ты — мой Египет,
И зной, и страсть. Поспи еще немного.
В окно влетают с гулом поезда.
И жаркая на солнечном пятне
Твоя рука лежит, как пятистишье.

Лéса темные провалы,
И, завидя нас двоих,
Катят бочки пивовары
В острых шапочках своих.
Эта влага не в новинку,
В сердце горечи плеснем.
Рип Ван Винкль, Рип Ван Винкль,
Неужели мы успем?
Прямо тут, с асфальтом рядом,
Сев на холмик травяной,
Привалившись к Ленинграду
Ты плечом, а я спиной.
Белой пены ворошенье,
Отказаться шету сил.
Искушенье, искушенье —
Сам у гнома попросил.
Не засудят, не осудят:
Восемь бед — один ответ.
Может, внуки и разбудят
Через восемьдесят лет.

* *
*

Скрипит поселок дачный
Обшивкой корабельной.
На соснах, как на мачтах,
Огни святого Эльма.
И если хочешь к звездам,
Нам будет по пути.
Еще тебе не поздно
На палубу взойти.

Мой скарб к земле привязан,
Мои в чернилах пальцы,
Но ты узнаешь сразу
Межзвездного скитальца.
Сотрем друг другу слезы,
Незримые почти...
Еще тебе не поздно
На палубу взойти.

Ну ладно, ну не плачь ты —
Ведь нам нельзя отдельно.
На соснах, как на мачтах,
Огни святого Эльма.
Зачем скитаться розно?
Обнимемся в пути!
Еще тебе не поздно
На палубу взойти.

Не тяжесть обола, не стиковы воды,
Не тени Аида, где полночь глухая,
А полдень мой добрый, а утро природы
Я с ветром вдыхаю, я с ветром вдыхаю.
И еле заметное облачко боли —
Грядущей печали минутную дымку,
И громкое небо, и брачное поле,
И травы, в которые ляжем в обнимку.

И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Роберт Бёрнс

Была уютной тишина,
Был ласков пух постели,
И лишь у каждого окна
Крутилось по метели.
Белела книжка на столе,
Но не давалось чтение.
Я знал, что ждет меня во мгле
Мое стихотворенье.
Я вышел в ночь. Завыла мгла,
Завыла волчья стая,
И прямо к небу повела
Меня тропа крутая.
Но злые крылья снегопад
Раздвинет ночью темной.
И я, как двести лет назад,
Увижу дом укромный.
Взметнется тень, огонь в окне
Мелькнет — замру в сугробе.
И милый голос, как во сне,
Меня окликнет: «Роберт!»
Войду, прижмусь лицом, скажу:
«Я верный твой поклонник!»
И белый томик положу
На белый подоконник.

Акробаты, акробаты —
Острый почерк мастерства!..

.
Мы неловки, мы горбаты,
Наши руки — как трава,
Наши ноги — как из ваты,
Наши души трусоваты,
И забраться по канату
Нас заставишь — чёрта с два!
Но, нисколько не печалясь,
Мы садимся за труды
И блаженствуем, качаясь
От звезды и до звезды.
Но зато в моей тетради
Или в книжке, на виду,
Не держите, бога ради,
Я и сам не упаду!

IV

* *
*

З аписная книжка,
Адреса друзей,
Имена, как вспышки
Радости моей.
В сутолоке суток,
В грохоте разлук
Как бы промежуток
Возникает вдруг.
Словно электричка,
Отправляясь в путь,
Каждая страничка
Просит: «Не забудь!»
И не надо — слышишь? —
Губы в кровь кусать.
Что уж тут напишешь —
Нечего писать.
Всяких дел по ворот,
Бед невпроворот,
И не тот уж город,
Да и сам не тот.

А с собой не сладишь,
А прошьет игла —
Седину пригладишь,
Сядешь у стола.
Локтем отодвинешь
Годы и семью
И тихонько вынешь
Молодость свою.
Записная книжка,
Адреса друзей,
Имена, как вспышки
Радости моей.

* *
*

Я на спине лежал. Качалось небо.
Качался зной. Покачивалась крыша,
То плавно отходя, то возвращаясь.
И тихо я покачивался в люльке
Моей земли — еще поворожденный,
Не зная ни блаженства, ни стыда,
Не слыша виноватого дыхапья
Той, что личком лежала на траве,
Не глядя в небо.

Переменная облачность жизни моей!
Озаряется тень, меркнет свет среди теней.
Свет лежит на столе лебединым крылом,
Тень прозрачной стеною стоит над столом.
А в ушах вековое гудение пчел,
И с землею вращается письменный стол.

* *
*

Юлии Друниной

Лес на марше, деревья на марше —
И на каждом зеленый мундир.
Кто тут старший, скажи, кто тут старший?
Кто над вами отец-командир?
Может, дуб, что суров и прекрасен,
Может, тополь над синей водой,
Может, ясень, сияющий ясень,
Может, клен, может, клен молодой?
Но, закрывши ветвями полмира,
Что твердят они — я не пойму:
«Нет над нами отца-командира,
Нам отец-командир ни к чему».
И бреду я тенистой тропой,
В непалаженном щебете дня,
И не строим, а шумной толпою
Окружают деревья меня.

* *

*

Я понял пынче утром,
Что значит белый свет,
Когда я вышел утром
На этот белый снег.
От белого порога
Тропинка вдаль вела,
И белая дорога
Была белым-бела.
Тонули в белом дали,
И белые дома
Опять не понимали,
Что есть на свете тьма.

* *
*

Поляны под снегом мокрым,
Запутался ветер в ветках,
Деревья летят по стеклам,
Как тени забытых предков.
Качается чай в стакане,
Катается дыня в сетке,
Размахивая руками,
В купе мое входят предки.
Грохочет бездомный скорый,
Смыкаются звезд зеницы...
Бесплодные разговоры,
Бесплотные проводницы.
Обрывки былых смятений,
Несемся в пространствах стертых,
И тени, о только тени,
И нет ни живых, ни мертвых.

* *
*

В сердце корочкой стучащий,
Ты в каком огне окреп,
Хлеб сладчайший,
Хлеб горчащий,
Черный хлеб и белый хлеб?
Ни в одном твоём обличье
Я тебе не изменю,
Хлеб ржапой и хлеб пшеничный —
На столе и на корню.
Пересоленный и пресный,
Ты вошел в мою судьбу.
Так и въеду в рай небесный
У горбушки на горбу.

* *
*

С вас причитается
Море горстями,
С вас причитается
Ужин с гостями,
С вас вычитается
Горе и страх —
Это читается
В ваших стихах.

Все, что положено, —
Люди и кони —
Будет положено
Мне на ладони.
Все, что отложено, —
Рядом, в пути,
Все, что заложено,
Надо спасти.

Флейта фантазии
Неутомима —
То ли из Азии,
То ли из Крыма.
Взмыть этой фразе ли
Или под нож?...
Рифмы проказили —
Что с них возьмешь?

Я оправдал доверие стола,
Когда строка морщинкою легла
На белое бездумие бумаги,
На белое безмолвие ее.
Пришла ко мне и выбрала жилье,
Сама своей завидуя отваге.
Кругом нагие снежные поля,
Но ей не страшно и не зябко вроде,
Хоть равнодушно вертится земля
И знать не знает о ее приходе.
Мои слова, хранилище тепла,
Еще вчера вас не было на свете.
Живите, дети,
Распрямливайтесь, дети, —
Я оправдал доверие стола.

* *
*

Когда я смотрю на портрет Эйнштейна,
Мне кажется,
Что я вижу лицо человечества —
Мудрое,
Чуть ироничное,
Бесконечно доброе.
А о своей бедной физиономии
И о подобных
Я не решаюсь думать без смущения.

Разве можно представить себе
Человека с лицом Эйнштейна,
Ползущего по мокрой траве
С разожженной трубкой
К пороховому погребу земли?
А если это сделает человек с другим лицом,
Его схватит за руку
И забросает камнями формул
Все человечество
С лицом Эйнштейна.

БАЛЛАДА О ПОЛОТЕРАХ

Полю трет полотер.
Его летит рука.
Он — как тореадор,
Пронзающий быка.
Он мчит. Он там. Он тут.
Устал. Как поднял воз.
Он начертил этюд
Из жестов и из поз.

Евг. Винокуров

Не дыханье коридора,
Не скрипенье двери...
Там дышали полотеры —
Сильные, как звери.
Вот он — бывший старшина,
Трет до блеска, милый.
Ай война, война, война,
Что ты натворила!
Медицинский мудрый нож,
Бинт свернулся ржавый.
Самокрутку завернешь
Левой или правой?
Самокрутка,
Самосад,
Серый дождь из тучки...
Я приду на комбинат
В светлый день полочки.
Как их очередь длинна,
Белый свет закрыла...
Ах война, война, война,
Что ты натворила!
Папиросный дым густой.
Шутят, смотрят браво.
И у всех рукав пустой
Слева или справа.

Испортился барометр старинный.
Всегда одно твердит, ополоумев.
Уперся стрелкой в бурю, да и только, —
Так и стоит, проклятый, на своем.

Пришел к нам мастер с лупой и отверткой.
Мудрил, бубнил, присвистывал, старался.
Потом назад все винтики поставил,
И стрелка снова в бурю уперлась.

Тут мастер снял очки и рассердился,
Не стал пить чай, от денег отказался
И так сказал: «Да выкиньте его!»
И мы его забросили в кладовку.

Но в темноте, когда стихает город
И за окном спокойно и бесшумно
Стоят огни — солдатики почные,
Закрыв глаза, я вижу, как в пыли,
Под рваной шубой, рядом с лампой ржавой,
Лежит он и предсказывает бурю.

И я его упрямываю тихо:
«Зачем ты так?.. Не надо... Успокойся...
Нельзя же вечно: буря, буря, буря...
Ну замолчи — поверим тишине».

* *
*

Книга детства! Где ты? Здравствуй!
Попугай кричит: «Пиастры!»
У кормы пират бровастый,
Ухмыляясь, точит нож.
Братъ сокровища непросто.
Выплывает берег с оста.
Не хитри, лукавый остров,
Ты меня не проведешь!

Веют пальмы веерами
Над бурульными коврами.
В золотой песчаной раме
Шорох днища, синий сон.
Как пиастры, блещут зори,
И уже не помнит море —
От болезни иль от горя
Умер пищий Стивенсон.

Мой добрый нож, тебя беру я в руке,
Но нет в тебе ни радости, ни муки.
Ты режешь хлеб и масло, бедный нож,
И никому не страшен ни на грош.
Когда лежишь ты в ящичке буфета,
Тебе все ложки вдалбливают это.
На их галдеж ты им твердишь как есть:
«Я друг семьи, я в мирных крошках весь».
Ты как скопец, ненужный для любви,
Ты не узнаешь вкус горячей крови,
Тебя не тронет кровавая ржа...
Я сам подобье хлебного ножа.
О если бы хоть раз светло и страшно...
Но не могу... Мой смирный стих домашний
В грудь не войдет, сверкая и дрожа.
Я сам подобье хлебного ножа.

Монета блещет по краям.
Ее в пыли нашел Хайям.
И, обменяв красотку
На чашу смуглого вина,
Глотнул разок, потом — до дна
И стих пропел короткий.

И та монета по векам
Пошла легко, как по рукам,
И канула бесславно.
Но вспыхнула кружком огня
Вдруг на ладони у меня —
Игрушкой забавной.

Ее я вскоре потерял,
Но зря себя я укорял,
Напрасно ты ворчала:
Быть может, на краю земли
Ее Хайям нашел в пыли,
И все пошло с начала.

ДУБ

Он милую землю корнями оплел
И держит ее, как добычу орел.
И, в небо вторгаясь, — морщинистый,
вечный —
Шумит он листвою молодой и беспечной.
Так жизни иссякнуть вовек не дано!
И пьют старики молодое вино.
Стучат по столу перевернутой кружкой
И вот уже кружатся с чьей-то подружкой,
И бережно держат у глаз и у губ,
Как милую землю стареющий дуб.

* *

*

Мой заветный город Китеж,
Терема на белом дне.
Все ты знаешь, все ты видишь,
Все рассказываешь мне.
Звезды хищные сверкают,
На охоту вышла боль,
Но в ночи не умолкает
Гул подводный: до-ми-соль.
Гул подводный,
Гул подспудный —
Ходит колокола тень,
Обещая в жизни трудной
Праздник чудный — новый день.

МОНОЛОГ РУЧЬЯ

А я — пересыхающий ручей.
Уже песок, не слезы из очей.
Хватаю воздух горькою гортанью,
Уже не речь, а просто бормотанье.
Поля и лес с извиистой тропой,
Я собирал вас всех на водопой.
К моей волне вы припадали дружно...
Мне вашей справедливости не пужно.
Мне ваша жалость — пулею в висок.
Уйдите прочь, а я уйду в песок.
Не слушайте тайком, как я вздыхаю:
«Пересыхаю. Все. Пересыхаю».

Еще ворóн простуженные глотки
Задорно провожают день короткий,
Еще сороки в милой простоте
Разносят людям сплетни на хвосте —
А дом открыт для встречных-поперечных,
И в нем уютно от сверчков запечных,
От «Запеканки» в синем хрустале,
От рюмок, по-осеннему нарядных,
От предвкушенья снедей маринадных,
От пирога, что дышит на столе.
И ты — моя утеха и отрада,
Царица дома и царица сада,
Мое мученье, мед моей строки,
С тобой мне томно и с тобой мне сладко...
И только небо темное украдкой
Глядит на наши белые виски.

* *
*

Ты говоришь: я очень постарел.
То снова сердце, то опять прострел.
Сердитый. Озабоченный. Неловкий.
Что мне от лет своих не убежать,
Что остается целый день брюзжать
И сморщиться, как яблоку в духовке.

Я виноват, наверное... прости...
Вчера опять сидели до пяти.
Я сбился с темпа — что же тут такого?
При чем здесь возраст?.. Ты сошла с ума.
При чем здесь возраст — посуди сама!
Ну, милая... Ну хочешь в Комарово?..

Я не устану — ты доверься мне.
Мелькнет, как радость, белка на сосне,
И упадет к ногам пустая шинка.
И будем мы счастливые идти,
И так легко нагонит нас в пути
Вчерашний гость, подвыпивший мальчишка.

* *

*

Нет, никогда календарю
Я не скажу: «Благодарю».
Часы запру, будильник спрячу.
Куплю билет втридорога,
Уеду к черту на рога
И брошусь в травы, и заплачу.

Спаси, лесная тишина!
Пусть заслонит меня сосна
Своею смуглою спиною.
И вдруг услышу я, привстав, —
Неумолимо, как состав,
Грохочет время надо мною.

Ну-ка, Бобышев, курнем,
Ну-ка рюмку кувырнем,
Да заправимся стихами,
Да у печки прикорнем.
За окном бунтуют ели,
Им бы тоже спать пора.
Наши толстые портфели
Отдыхают до утра.
Угли гаснут и бормочут
Что-то доброе, без слов.
Дом вздохнул: «Спокойной ночи!»
Кот зевнул: «Приятных снов!»
Ты меня разбудишь рано,
Чуть заря коснется крыш.
Удивишь строкой неожиданной,
Новой рифмой удивишь.
И уйдешь по тропам ярким,
По сверкающей лыжне,
И сверкающим подарком
Ту строку оставишь мне.
Подержу ее в руке,
Приложу ее к щеке.
В горле сладко тает льдинка,
Огонек на языке.

* *
*

А парень говорил, колено обхватив,
Что есть один мотив, что есть один мотив.
И пробовал его смущенно напевать,
И тут же забывал, и пробовал опять.
И снова обрывал, и пальцами хрустел,
И все же напевал, и все-таки свистел.
Притоптывал ногой, и барды всех времен
Притоптывая в такт, стояли с двух сторон.
И я твердил им в лад, колено обхватив,
Что есть один мотив, что есть один мотив.

* *
*

Прямо из поэмы,
Смяв прибрежный куст,
Рухнул старый демон —
Только крыльев хруст.
Он лежит, не знача
Больше ничего.
Дергаются в плаче
Плечи у него.
О былых обидах
Шепчет губ кора.
Жизнь прошла, как выдох,
Как ее чадра.
А она прекрасна,
Облачком парит.
А она «Согласна»
Все не говорит.

* *
*

В пути родился Шейдаи —
Ни крыши, ни стола.
В пути писал стихи свои
И мертвый сполз с седла.
Баранья шапка сбилась вбок,
Застыл песок в тоске,
И тень верблюда возле ног
Застыла на песке.
Верблюжья жесткая спица —
Мой стол в тени куста...
Не та страна, не та струна,
Не та судьба, не та.
Но я твое перевожу,
Как бы твержу свое,
И на строке щекой лежу
И слушаю ее.

Тень моя на стенах твоих.

Анна Ахматова

Я еще не привык, я смущен,
Будто впрямь совершаю кощунство
Тем, что в комнате этой живу,
Открываю окно по-хозяйски
И несу на веранду цветы
В знаменитой шадтреснутой вазе.

Этот старенький стол под сосной —
Не моим бы лежать там тетрадам!
Не мои, не мои, не мои
Эти стены, и окна, и двери.
Лучше б мне, как два года назад,
Робким гостем стоять на пороге,
Острым локтем в портфеле зажав
Ненавистную, милую папку.

Я сажусь на чужую скамью,
Я к столу наклоняюсь чужому,
И все кажется мне, что сейчас
Выйдет тень величавой старухи
И, стихи мои перечеркнув,
Настоящие строчки напишет.

* *
*

Меня, как парус, вынесло на гребень,
Я стал на время господом самим,
Я полетал, я покружился в небе,
Которое считается седьмым.

Закрой глаза, не торопи разлуки —
Еще ты звезды чувствуешь у лба,
Но ждет тебя внизу, расставив руки,
Твоя обыкновенная судьба.

К середине книги резче
Визг и крики перебранки:
Град камней в Орфея мечут
Пышнозадые вакханки.
«Что мы — фурии в морщинах?
Иль вдовец ослеп от горя?
Все мужчины — как мужчины,
Только он свой род позорит.
За обиду — возмещенье!
Нет прощенья и не будет!»
И дрожат от возмущенья
Их раскормленные груди.
Быют его без передышки,
Но, застыв от боли дикой,
Все он о своей худышке:
«Эвридика!.. Эвридика!..»
Эти ломкие ключицы,
Запах меда и печали...
Зря стараетесь, волчицы,
Чели его уже отчалил.
Тень спешит навстречу другу —
Бледный луч из тьмы безвестной,
Но не сжать ему подругу
В вечной муке бестелесной.
Книга... Страшно поклониться...
Что там — кровь или гвоздика?
Шелестят ее страницы:
«Эвридика!.. Эвридика!..»

* *

*

Сколько было крыш чужих,
И обшарпанных вокзалов,
И исшарканных дорог.

Сколько места на земле
Для бездомья, для бездымья,
Для бездумья, наконец.

Видно, мать моя в окно,
Заслонив свечу, смотрела
На цыганские костры.

Видно, слушал мой отец
Те гитары и качался,
И сходил от них с ума.

Потому-то до сих пор
Города — мои кочевья,
А деревья — табор мой.

* *
*

И путешествия в Опочку...

А. С. Пушкин

Путешествие в Опочку.
Две деревни, три села.
Я упрятываю в строчку
Все, что муза наплела.
Путешествие в Опочку.
Очевидно, третий том.
Очутились, как нарочно,
Мы с тобою в веке том.
Что же, надо деловито
Осмотреться на пути.
Звонко шлепают копыта,
Смякоть, господи прости!
И очки с тяжелой дужкой
Я решительно надел:
В этом мире даже Пушкин
Кое-что недоглядел.

Вот щебень веков, крепостные ворота,
Вот в блеске неона квартал модерновый,
Но снова «кирпич» и тоска поворота,
И старая крепость является снова.
Выраж — и неона прибор: «Заходите!»
Опять поворот — и столетий останки...
Куда же ты гонишь, наш бедный водитель,
И лоб вытираешь, и крутишь баранку?
Не встретят дороги, не выпустит город.
Не спорь с ним напрасно — пускай приласкает.
Сверни в эту улочку, в лиственный шорох...
Ах нет, и туда нас «кирпич» не пускает.

5. КАМЕНЬ

Аметист, сердолик, и яшма,
И таинственно-смуглый агат!
Мы их ищем, как дель вчерашний, —
Шарят пальцы, отчаялся взгляд.
Жаркий щебень у нас под ногами,
Ноют спины, качается даль...
И выносит нам море камень,
Потому что ему не жаль.

6. ПЕСНЯ

Ночное море в рокоте гитар,
Как будто в небе струны натянули,
И ты не стар, и я еще не стар,
И нам недаром звезды подмигнули.
Еще поколобродим, черт возьми,
Пока не перебродим до остатка.
Седая прядка, а седая прядка,
Ты не мешай подольше быть людьми.
Не торопи... Еще нам тяжело
Забуть ошибки юности медовой,
Еще не поздно повторить их снова
И пошуметь, а там — куда ни шло!
А если время нанесет удар
И о года притушится отвага,
Мы вспомним вновь подножье Кара-Дага,
Ночное море в рокоте гитар.

7. ПРОЩАНИЕ

Грек босоногий — сатир, виночерпий,
Взглядом окинув зеленую даль,
Терпкую влагу подносит Евтерпе,
Сыплет на блюдо соленый миндаль.
Нож окунулся в прохладу арбуза,
Нежится море, песок шевеля...
Что ж ты задумалась, смуглая муза,
Милая, щедрая муза моя?
Выпьем — и в путь, мы минутные гости,
Нам не расстаться надолго с зимой...
Небо жует виноградные грозди,
Пьяное небо над пьяпой землей.

8. НА ПЕРЕВАЛЕ

А на первом привале,
На Святом перевале
Чебуреки мы сли и вино попивали.
Были наши стаканы то пúсты, то пóлны,
Но и здесь наверху доставали нас волпы.
И мы пели, обнявшись, как нас море качало —
Две горы подпевали, а третья молчала.
И одобрить такого не могла поведенья
Перед важным и строгим лицом провиденья.
Мы шанлык заказали, но недолго кутили,
А забрались в машину и вниз покатали.
В нас веселье кричало, мы гурьбой покатали
И всю песню с начала вразнобой подхватили,
А за нашей спиной две горы подпевали,
А быть может, и наше вино допивали.

V

* *
*

Звезда покати­лась над степью, над степью,
Лицо присло­пилось к горячей стерне.
Ночное тревож­ное велико­лепье,
О чем ты, за­чем ты тоскуешь во мне?
Мой конь не рас­сед­лан, мой конь не стре­но­жен,
Опу­щена гри­ва, в траве стре­мена.
Не надо сердиться. Давай подыто­жим,
Что было, что будет — на все вре­мена.
Ты больше не ангел, ты больше не демон,
Ты женщина просто, а это боль­ней.
Я столько для нашей любви пере­делал,
Но разве мы можем у­п­наться за шей?
Ты больше не пан­на, ты больше не дон­на,
Но разве я этим тебя оскорб­лю?
И радость без­мерна, и горе без­донно:
Прощай — ненави­жу, останься — люблю.
Сторим и разъедемся — дело простое,
Но ты — вся огонь — посиди у огня,
И если я даже того и не стою,
Дай мне рас­сед­лать и ог­ла­дить коня.

СОН

На берегах расплавленной Невы
Вдруг на прохожих зарычали львы —
Буграми вздулась каменная шкура.
Зверюга, парает перемахнув,
В гранит вцепился и, к воде прильнув,
Лакал ее, оглядываясь хмуро.

От этих шуточек не жди добра!
Храпела лошадь старого Петра
И, вскидывая крупом, воздух била.
Из-под копыта выползла змея
И, словно ужас, кольцами обвила
Колонну в шрамах, жалом шевеля.

Но в суете никто не замечал,
Как билась лошадь и как лев рычал,
Машины шли, не нарушая правил.
И я в тревожной жалости своей
Мучительным движением бровей
В последний раз на место все поставил.

КОЛОКОЛУ РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Колокол по имени Сысой,
Я бы землю обошел босой,
Чтобы только выйти на рассвете
К голосистой звоннице твоей.
Ты качнись навстречу, пожалей,
Не забудь меня на белом свете.

Колокол по имени Сысой,
Не хочу ни волком, ни лисой,
Не хочу ни силой, ни обманом.
Постою у неба на виду,
Попрощаюсь взглядом и пойду
В светлом мире, мире окаянном.

Дорога к озеру спускалась
С холма, который добротой
Превосходил нас несомненно.

А это дерево — смотри:
Оно прекраснее и чище
И лучше нас, как ни казись.

Что тут поделаешь! Ведь ты
Сама была — не помню только:
Березой или же ольхой.

Нет, погоди... Смешная память!
Ольхой, конечно: потому
Тебя и называют Ольгой.

А я был вязом или кленом...
А мальчик паш — он до сих пор
Почти такой же, как деревья.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Пустые продрогшие дачи,
Осеннего вечера гнет...
Какая-то скрипка заплачет
И в голос, и в голос начнет.
Не каждому это дается,
Морщины изрезали лоб...
Какая-то скрипка зальется
И в голос, и в голос — захлеб.
И целая ночь до рассвета.
И путь мой к тебе перекрыт.
И грустно. И кончилось лето.
И в голос, и в голос — навзрыд.

* *
*

Маршак сидит в халате и брюзжит.
Он судит снисходительно и строго.
Он понимает, что моя дорога
Наискосок, проклятая, лежит.
Он мне советы добрые дает.
Вернусь домой и стул к столу поставлю.
Но ни одной строки не переправлю!
Господь судья, а что-то восстает.
А утром вновь по улицам седым
К нему приду я и напротив сяду,
И дивную английскую балладу
Он мне прочтет, закутываясь в дым.
Так тетерев токует на снегу,
Закрыв глаза, один с поляной белой...
Прочтет и скажет сухо: «Переделал?»
А я отвечу тихо: «Не могу».
Он переспросит каждую строку
И буркнет: «Как же! Вам не до советов!»
И на прозрачном томике сонетов
Напишет: «Моему ученику».

ДВА СОНЕТА

I

В траве медлительной, где дремлет
ветерок,
Закинув голову, где влажная истома,
Где чувству мы подчинены шестому,
А пять других припрятываем впрок,
Где жук общительный под спящею рукой
Усами пальцы сонные щекочет
И шебуршит, и нам удачу прочит,
Но лишь на миг становится строкой,
Где, плавунцами вздрагивая, речка
Уходит, не сказав нам ни словечка,
А ведь могла бы — все, что захотим...
Мы не хотим: мы к травам приникаем
И понемножку к смерти привыкаем,
И песенку беспечную свистим.

II

Укладывайся, миленький, в сонет:
Четырнадцать — и более ни строчки.
И, если места для разбега нет,
Взлетай отвесно, с самой малой точки.
Не расползайся — ты не холодец,
Не расслабляйся — мускулы и воля.
Простора ветру не хватает, что ли?
Вполне хватает? Вот и молодец!
Вселенная (о как она огромна!)
Предстанет гармонично и объемно,
Ее загривок сжат в твоей руке.
И больше ни поблажки, ни отсрочки,
И мысли раскрываются, как почки,
И смысла нет в пятнадцатой строке.

Жить бы мне в Греции древней, воспетой
стократно,
Белый хитон, а не серую пару носить,
И, потерявши навеки коня или брата,
Десять гекзаметров горестно произносить.

Жить бы мне в Греции! Я бы пошел к Эврипиду
И пригласил бы его на отменный обед.
Сколько б ни выпили мы, я б не подал и виду,
Не прихвастнул, что и сам я немножко поэт.

Жить бы мне в Греции! Я бы наполнил без меры
Сердце и слух, и глаза проглядел, и ослеп.
А разрешили бы боги, я стал бы Гомером —
Пел бы и ел бы слезами закапаный хлеб.

Я — Прометей. Орел мне печень рвет.
И я гляжу, кривясь от муки, сверху
На города в огнях и фейерверках.
Моя скала кровавая плывет
Сквозь мерзлый мрак и звездные чащобы.
Но нет во мне ни зависти, ни злобы.
И если Зевс забудет про меня, —
Спущусь с горы и боль меня покинет.
И женщина ребенка отодвинет,
И даст мне место около огня.
О как счастливо жизнь моя прошла!
Как сладко телу! Как приятно оку!
И кто-то скажет, что неподалеку
Нашли сегодня мертвого орла.

* *

*

Восходят дыма смуглые колечки
И в каждом круглый удивленный глаз —
Со всех сторон разглядывают нас,
Плывут вдоль стен и кружатся у печки.
А мы дымим — так, милая, дымим,
С таким стараньем и с таким смиреньем,
И так прекрасен этот хрупкий дым,
Что кажется почти стихотвореньем.
Ты видишь? Леты легкая вода
У ног струится в солнечных занозах,
И мы полулежим в блаженных позах,
Как будто не страдали никогда.
И никого не помним в жизни этой,
И никому обиды не творим,
И полудремлем-полуговорим,
И смуглый дым встает над сигаретой.

* *
*

Мы снова затеяли перестановку —
Подвинули шкаф, оттеснили сервант.
И сделалось пусто, и стало неловко,
Как будто бы каждый предмет эмигрант.
Ну что же, предметы! Скитайтесь по свету,
Ведь мир вашей комнаты странно велик.
Блуждают диваны, кочуют портреты,
И зеркало прячет потерянный лик.
Все стронулось с места, хотя б на полшага,
Дома покачнулись в оконном стекле...
Чего ж ты нахохлился, старый бродяга?
Кого еще встретишь на этой земле?

* *
*

И сказал мне парикмахер слова:
«Очень трудная у вас голова.
Хоть способная у вас голова,
Неудобная у вас голова.
Вы вот пишете, а я вот стригу.
Вы вот дышите, а я не могу.
Так же пену я взбиваю, как вы, —
Почему же ни трубы, ни молвы?
Гляньте в зеркало — ведь мы мастера.
Разве бритва не острее пера?
Разве меньше я тружусь для семьи?
Где же трубы, где же трубы мои?»
Я подстриженный домой ухожу,
Я пристыженный в постели лежу,
И всю ночь во мне звучит до зари:
«Где же трубы, где же трубы мои?»

* *

*

Не падай, Пизанская башня, не падай.
Твои миллиметры инфарктам подобны.
И если ты рухнешь — не надо, не надо! —
Земля задохнется от пыли надгробной.
О как он прекрасен — наклон твой смертельный,
Доверчивый угол, полет над судьбою!
Но я не могу, не умею отдельно —
Я телом и жалостью слился с тобою.
Войду я в столетья, как в пену, как в пену,
В кольцо восхищенья побуду, побуду...
Потом покачнусь я и руки воздену,
И гулом падения кончится чудо.

* *
*

Что же ты, детство, меня уверяло?
Тут ведь и смысла особого нет:
«Карл у Клары
Украл кораллы,
А Клара у Карла
Украла кларнет».
Клара рыдает над горькой пропажей,
Карл смеется — он скрипку купил.
Годы мои! Вы не знаете даже,
Сколько я помнил и что позабыл.
Но повторяют и старый, и малый,
Словно другой у них новости нет:
«Карл у Клары
Украл кораллы,
А Клара у Карла
Украла кларнет».

* *

*

Когда я брел в ночи обманной,
Вникая в тайны ремесла,
Мне неожиданно и странно
Тень Данте путь пересекла.
Уже миров нездешних житель,
Земную он хранил беду.
Но дерзко я сказал: «Учитель,
Я сам не раз бывал в аду».
Он вздрогнул и исчез бесследно,
Ушел в воздушную струю...
И только шепот: «Бедный... бедный...
А был ли ты хоть раз в раю?»

* *

*

На снегу стоят дома,
Как закрытые тома.
Мопассан или Дюма?
Гончаров или Андреев?
Добряков или злодеев
Прячет в комнатах зима?

Я ведь тоже старый дом,
Я ведь тоже старый том,
А не старый — так и ладно.
Ты в лицо мое взгляни,
Первый лист переверни...
Видишь лампочку в парадной?

Я отдать тебе готов,
Если хочешь, пару строф
И, конечно, миру впридачу,
Где бездумствуют дома,
Где безумствует зима
И где я так мало значу.

* *
*

Богда проза безумствует над крышей
И в бубен суши бьет девятый вал,
Мужская дружба всех похвал превыше
И женская превыше всех похвал.
Дай руку, друг, и я печаль отрину —
Далек наш отдых и прекрасен труд...
А Цезаря закалывает в спину
Все тот же Брут, все тот же верный Брут.

ПО МОТИВАМ КИПЛИНГА

Она крадется вдоль стены,
Как тень среди теней.
Тихонько хнычет сквозь усы,
Но так еще страшней.
А рядом с нею — лунный свет,
Спящий паркет,
Но ей не выбежать туда
Ни разу в жизни, нет!

Чучундра, Чучундра,
О мускусная крыса,
Весь пол от шкафа до стола
Узорами расписан.
Иди сюда, трусиха,
Встречай со мной зарю.
Я, Рикки-Тикки-Тави,
Это говорю.

Я Рикки-Тикки-Тави,
Я съел немало змей.
Зачем ты хнычешь у степи?
Ведь так еще страшней.
Скажи мне тонким голоском:
«Теперь я с вами, сэр!»
Нельзя же людям подавать
Такой дурной пример.

Чучундра, Чучундра,
О мускусная крыса,
Весь пол до самого окна
Узорами расписан.
Иди сюда, трусиха,
Встречай со мной рассвет.
Я, Рикки-Тикки-Тави,
Даю тебе совет.

* *
*

У бей змею — и семь грехов простится.
Не надо ни поститься, ни креститься,
Ни душу переламывать свою,
А просто в лес, в широкий лес пуститься —
И семь грехов за каждую змею.

Живые блики веером дрожат,
Живое солнце плавает в лазури
И семь грехов в змеиной пестрой шкуре
Убитые у ног моих лежат.

ПАМЯТИ ЗАБОЛОЦКОГО

На чердаке заброшенном — рояль,
Его нутро гудит от непогоды.
Сюда спускался бог седобородый,
Сидел, поставив ногу на педаль.
Откинувшись, закрыв глаза на миг,
Он клавиши какой-нибудь касался.
Но даже мне он богом не казался,
Суровый и измученный старик.
Дом оживал — скрипучий, беспокойный.
Дом спрашивал его: «Неужто зря?»
В окно, как волны, колотились войны,
Багрово-белым заревом горя.
Рояль дышал и вздрагивал под пылью,
И в этот час один лишь я и знал,
Как плакал бог от страха и бессилья
И голову на клавиши ронял.

* *
*

Мы оставим за спинами города гром
И Неву шерстяного оттенка
И на станции Токсово выйдем втроем —
Я, и Боря, и Леша Бутенко.
Нам постылая юность, как ворот, тесна,
Мы бы сразу же в зрелость шагнули.
Еще только весна, еще доля красна,
Еще дремлют две пули, две пули.
И по краешку дней ходят трое парней —
Очень близких, но это детали...
Как мне быть, чтобы сделалась память
длинней,
Чтобы люди хоть раз прочитали,
Что вот жили и не затерялись во мгле
(Просто жили — на что нам оценка?)
На прекрасной, несчастной, опасной земле
Я, и Боря, и Леша Бутенко.

* *

*

Вот и открылся ящик Пандоры —
Ворохом судьбы, слезы рекой.
Вечное море, вечные горы,
Вечная слава, вечный покой.
Люди, мы слабы! Люди, мы бренны!
Небо блаженно, ласкова ширь.
«Что ж ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый снегирь?»

ДВЕ ПЕСНИ

1

Аист, добрый аист,
Ласковый и смелый,
Принеси нам, аист,
В клюве сверток белый.
Душю или Ксапочку,
Или, может, сына...
А еще бы — ванночку,
А за ней — перину.
И на всякий случай
Сразу две кровати,
И буфет получше,
Чтобы жить в достатке.
А не хочешь делать,
Ничего не делай —
Принеси нам только
В клюве сверток белый.

2

Роют землю — не унять! —
Копи вороны.
Мы поедем догонять
Годы молодые.

Стариною мы тряхнем —
Молодость догоним
И назад ее вернем,
Коль не провороним.

Только что же гнать коней
По такой жарнице?
Я налью, и ты налей —
Чокнемся, дружище!

Ты налей, и я налью.
Что, приятель, скверно?

Нам и выпить-то в раю
Не дадут, наверно.

Ну-ка оба мы нальем,
Старики седые.
Может, выпьем и вернем
Годы молодые.

* *
*

И все они умерли, умерли...

И. С. Тургенев

Что в мире лучше города ночного?
Он так доверчиво подходит к окнам.
И в полусне я вижу и не вижу
Прозрачное свечение вокзала
И легкое плетение теней.
О господи, пусть это будет Киев!
Ну вам-то что? Пусть это будет Киев!
С кусочком детства, с запахом Днепра,
Когда вокруг все живы, живы, живы.
Ну что вам стоит, звезды, фонари,
Мой сон, мой бред, мои воспоминанья,
Забутые давно... Ну что вам стоит?
Я не проснусь... Я только на минуту...
Уже уходит в прошлое вокзал.
О господи, пусть это будет Киев!

* *

*

На царь-пушке отлито изображение
Федора Иоанновича

Кроткий лик на свирепом металле,
Пламя взоры его не метали.
Для чего ж, словно Марс, он отлит?
Страх сражений гвоздем его колет,
Он, как в жизни, канючит и молит —
И дрожит, и стрелять не велит.

Ну а колокол первостатейный,
Истомившийся в яме литейной,
Он и здесь словно брошен в тюрьму.
Как хочу я к нему прислониться!
Как светло и несбыточно снится
По ночам колокольня ему.

Чу! Москва на минуту уснула,
Шевельнулось тяжелое дуло
И врагу погрозило, как встарь.
Шумно люд собирается ратный,
И разносится грохот набатный,
И, зажмурившись, крестится царь.

* *

*

Архаике-охальнице смешно:
Влетает ветер в отверстие окно,
Персты и перси, выя и ланиты
Его дыханьем медленным обвиты.
Зарой же локоть в дерево стола,
С отчаянным не спорь воображеньем
И не спугни нечаянным движеньем
Тень облака, тень смысла, тень крыла.
Да будет вечно жизнь твоя светла!
А смерть придет, отбросим в ночь большую
Две тени — одесную и ошую.

* *

*

Какой-нибудь насквозь соленый шкипер,
Крестясь, затычку выбьет из бочонка
И через край прольет, и чертыхнется.
А мы посмотрим издали, вздохнем
И разбредемся кто куда. Я сяду
В тени большого паруса. Согну
Устало ноги и на борт откинусь.
Все это будет триста лет назад.
Передо мною волны, волны, волны.
Ни рыб, ни чаек, ни живой души.
А завтра снова порт... А что мне порт?
Я знаю клички всех портовых девок,
Я шил во всех портовых кабаках,
Я обошел полмира. Но тебя
Нет и в помине. Ты не родилась.
Вот отчего мне на земле тоскливо.

* *
*

Скажи, какой резон
Мосту цедить лениво
Прохладу и озон —
Речную душу живу?
Зачем, скажи ты мне,
Лицом уткнувшись в сваи,
Баюкать на спине
Озябшие трамваи?
И для чего, скажи,
На мир — пойму ли это! —
Глядеть сквозь витражи
Заката и рассвета?

Над поникшим садом,
Над путем окольным
Плыло небо рядом
С гулом колокольным.
И, теряя силы
В этом ясном звоне,
Ты глаза гасила
О мои ладони.

Сосны взгляд отводят,
Смотрит тополь строго,
Как в холмы уходит
Белая дорога:
По своим законам,
По своим причинам —
Колокольным звоном,
Журавлиным клином.

Ничего не спросим,
Ничего не скажем.
В печку дров подбросим,
Спать пораньше ляжем.
Где же наши брашны?
Где же день вчерашний?
Где же наши реки
Из варягов в греки?

* *

*

Забившись в табачном пропахшую берлогу,
Залечивал гусар простреленную ногу.
Бутылка на столе, гитара на стене,
И шпоры на полу подмигивают мне.
А я ему твержу: «Сыграй, гусар, сыграй!»
Мне в ад давно пора, но я не прочь и в рай.
Я душу промотал, но не за полцены...»
И он вздохнул и снял гитару со стены.

Военный человек — задира и хвастун,
Что сделал он со мной, когда коснулся струн?
И я просил его: «Добавь еще отравы!
Не надо ничего, не надо даже славы.
На что мне и любовь — я без нее в огне...»
И шпоры на полу подмигивали мне.

* *
*

Тяжелую шляпу
В руках теребя,
Куда это я
Ухожу от себя?
Шагаю, оставив
Себя у дверей, —
Все дальше и дальше,
Скорей и скорей.
Сейчас я спущусь
Торопливо с холма,
Сейчас меня скроют
Вот эти дома.
Мелькнет моя тень —
Мой последний привет...
Но я не гляжу
Уходящему вслед.

* * *

*

Искусительница,
Змея,
Ты спасительница
Моя.
Стан твой топенький
Брошен мне,
Как соломинка
В быстрине.

Нет, не прихоть
И не грешок
Этот тихий
Ночной смешок.
Не стыдите
Того, кто спас,
Отведите
Глаза от нас.

Для начала
Задуй свечу...
Ты б молчала,
Как я молчу.
Искусительница,
Змея,
Ты спасительница
Моя.

* *

*

Вот дама с насморком, вся в черном
и шуршащем —
Вдова художника, который в настоящем
Был знаменит, а в будущем умрет,
И вновь воскреснет лет через пятьсот,
И выставит уже бесповоротно
Свои полуистлевшие полотна.

Мы жили рядом — помню как сейчас.
Он у меня чаевничал не раз.
Нам для труда погоды было жалко.
Мы уезжали часто на рыбалку.
Его жена была со мной на «ты»...

И вот теперь из страшной темноты
Гляжу в благоговении великом
На эту даму с треугольным ликом.

* *

*

В пяти телегах ехали цыгане,
Катился чудный гомон над страной,
И тот старик, что сердце песней ранил,
Все говорил с цыганочкой одной.
Как будто снова я сидел, о табор,
У ног твоих — беспечно, как вчера, —
И шорох трав примешивался слабо
К густому дыму доброго костра.
А память забывала, забывала
И падала, запутавшись меж лент,
И всю-то ночь гитара колдовала —
Заслуженный бесовский инструмент.
Скрипя, вползают в марево телеги.
Прижмись ко мне. Не думай. Помолчим.
В протяжном небе, в небе, полном неги,
След самолета еле различим.

* *

*

Я хотел бы в этой будке
Проводить часы и сутки,
А быть может, и года,
Чтоб летели промежутки
И свистели поезда.

Ничего бы мне не надо —
Ни Москвы, ни Ленинграда.
Одному я был бы рад,
Что бегут огней каскады
На Москву и Ленинград.

С каждым гулом бы встречался,
С каждым грохотом прощался,
В жестяной рожок дудел.
Весь бы век не отрывался,
Весь бы век свой вдаль глядел.

* *
*

Вы мне спойте, Надежда Андреевна,
Ничего, что вас нету в живых.
Вы мне спойте, Надежда Андреевна,
Я давно в ожиданье затих.
Это лента магнитная движется,
Это двинулось небо в слезах,
И душа моя, горя сподвижница,
Тихо плачет на ваших низах.
И, легонечко стукнув калиткою,
В степь далеко, в рассветную грусть,
Я уйду за цыганской кибиткою
И не знаю, когда я вернусь.

Мушкетеры господина де Тревиля,
Неужели вас гвардейцы затравили?
Разве можно, чтобы слышалось всегда:
«Шпаги в ножны!
Шпаги в ножны, господа!»
Но мелькают пустыри и перелески,
И сверкают вам алмазные подвески.
И нетрудно, и нестрашно на рожон,
Если выхвачены шпаги из ножен.
Петушиная смолкает перекличка,
А за окнами грохочет электричка.
Я один в недоброй комнате сижу
И в лицо своим обидчикам гляжу.
И сквозь гнев, и одиночество, и муку
Опускаю я торжественную руку,
Как на Библию, на детский тот роман:
«Я не струсил, я не струсил, д'Артагьяв!»
И мелькают пустыри и перелески,
И сверкают мне алмазные подвески.
И нетрудно, и нестрашно на рожон,
Если выхвачены шпаги из ножен!

* *
*

Девчонки длинноногие! Не мне
Гореть на вашем медленном огне
Нам щедрые дары приносит осень,
Мы гордые — чужого не попросим.
Есть у меня мой стол и ульи кпиг,
К которым я, как пасечник, приник,
И добрый пес, и мудрая беседа,
И верный друг (я с ним сто лет знаком!),
И трубка с капитанским табаком,
Доставшаяся мне еще от деда.
Давай же посидим перед дорогой,
Перебирая радости свои —
И свет, и тень, и на краю земли
Веселый смех девчонки длинноногой.

Все мне снится местечко Кобоны,
Все назад я гляжу, не боясь:
Стоя моторов и беженцев стоны,
Вещи брошены в лютую грязь.
Я без дома, как ветка, засохну,
Я умру в этом поле нагом...
Ничего. Не погибну. Не сдохну.
Уноси меня к югу, вагон.
Увози меня к югу, теплушка.
Я измучен. Подвинься, сержант.
Словно чая зеленого кружку,
Поднесу я к губам Самарканд.
По-узбекски бормочет арык нам,
Все вокруг — в голубом, золотом...
Не могу! Не хочу! Не привыкну!
Лучше в гости приеду потом.
Я вернусь в свой расстрелянный город,
В злую юность свою — в Ленинград.
И когда мне исполнится сорок,
Он прекраснее станет стократ.
А когда пятьдесят мне подкатит
И сдавать мое сердце начнет,
Он меня, словно ветер, подхватит,
Петушиное слово шепнет.
Будет день этот в облачной пене,
Будет память, как шрам ножевой, —
И спущусь я к Неве по ступеням.
И воды зачерпну я живой.

* *
*

Наталье Теняковой

Дождь моросит и в Лондоне, и в нашем
Печальном городе. Мы под зонтами пляшем
От холода, и вдаль спешим рысцой,
И лишь дома подернуты лепцой.
Один из них особенно недвижим —
Стоит во всем великолепье рыжем.
Ты рядом с облаками, на шестом...
А Лондон... Но о Лондоне потом...
Ты то мелькнешь в окне, то исчезаешь,
Как будто нож то вынешь, то вонзаешь.
Ты без меня обходишься легко...
А в Лондоне... Но Лондон далеко.
На крыши дождь, на шляпу дождь струится,
Мой верный зонт нелепой черной птицей
Вздыхнул и умер над моим плечом...
А в Лондоне... А Лондон ни при чем.

Эти угрозы,
Позы и бредни,
Женские слезы
В темной передней.
Эта бравада
Напропалую,
Привкус помады
И поцелуя.
Хрустнет записка,
Полная риска...
Ближе не нужно —
И так уже близко.
Лучше сожги
Этот вымпел почтовый,
Лучше беги,
Как корабль трехмачтовый.

Что ж так послушно?
Что ж так тревожно?
Ближе не нужно —
А может быть, можно?
Слушал побасенки,
Платья касался...
Вот и попался,
Который кусался.

* *
*

Когда на лес упала
Июльская гроза,
Я вдруг увидел Папа
Гуцульские глаза.
Во мгле кустов лежал он,
Внезапный, как ожог.
В одной руке держал он
Пастушеский рожок.
И, белая от гнева,
Затянутая в дым,
Над ним клубилась дева,
Обманутая им.

Я тоже выбегаю
Из дома в острый мрак,
Мне молния мигает,
А это добрый знак.
И по звериной тверди
Текут мои слова
О жизни и о смерти,
Но о любви сперва.

Бредет по дороге корова,
Качается добрая морда.
Зачем ее выгнали в поле?
К чему огород городить?
Послушайте, вы не встречали
Миледи или милорда?
Я бедного герцога должен
Сегодня же предупредить.

За окнами сельской столовой
Вздыхают колхозные кони,
Таинственно трактор стрекочет,
Срезая кусок синевы...
Послушайте, вы из Бретани?
Послушайте, вы из Гаскони?
Послушайте, вы из Паризжа?
Скажите, из Франции вы?

Входите, входите, входите.
Поверьте, не надо стыдиться.
Бодлер не замедлит явиться —
Он знает: Верлен уже тут.
А русские звезды восходят,
А русское солнце садится,
А Сена так близко струится,
Что брызги меня обдают.

* *
*

Давайте пойдём на бульвар Капуцинок,
Давайте проявим изысканный вкус.
Я тоже красавец, я тоже мужчина,
Я тоже с моноклем, я тоже француз.
Бонжур, Жозефина, адье, Изабелла.
Вас это задело? Простите, мадам.
Мне мельница будней вот так надоела,
И я бы слетал в девятнадцатый к вам.
А если и там мне прискучит без меры,
Я снова пушусь через волны времен —
Туда, где над морем у темной пещеры
Ревёт Полифем и гудит Аквилон.

Эта девочка — Нана́ —
Вечной жалости полна.
На ее подоле
Кто-то выткал слово «грех» —
Не на стыд, и не на смех,
А для справки, что ли.

Я встречался с ней не раз,
У ее преступных глаз
Плавали печали.
Шла она — одна на всех...
И деревья слово «грех»
Нараспев читали.

А за нею, по следам,
Крались Каин и Адам,
И апостол Павел.
Всех жалела, видит бог,
Деньги прятала в чулок,
Как господь наставил.

Там, в Париже, на мосту,
Люди верят в красоту
И грустят о доле...
Плачет верная жена,
Ходит девочка Нана,
Буква каждая видна
На ее подоле.

* *
*

Лиле

А мы запрячемся в строке —
Ты в детстве, в самом уголке
Со мной вдвоем укройся.
Печенье, плавленый сырок.
Тебя к доске. Идет урок.
Я подскажу — не бойся.

Не хмурься. Лучше о простом.
Не будь печальной. Под кустом
Лежит твоя скакалка.
Мы перепрыгнем в годы те
И улыбнемся чистоте,
А мудрости не жалко.

Нас жизнь ломает, сатапа,
И хочет нам воздать сполна,
И судьбами играет.
А мы уйдем в конец строки...
Стоит учитель у доски
И руки вытирает.

Здесь жил переводчик с китайского,
В нем не было духа зазнайского,
Он пел за строфою строфу,
Влюбленный в Ли Бо и Ду Фу.
Держал он в руке, как соцветия,
Наивные тысячелетия
И, пот не стирая со лба,
Вдыхал их... Какая судьба!
А в ночи — июльские, душные —
Он пагоды строил воздушные
Без досок, гвоздей и стропил,
И плакал, и горькую шил.
Как горько о нем вспоминается!
Как дуб к нему темный склопается!
И тенью на холоде плит
Большой иероглиф лежит.

* *
*

Собственно, день этот — резкий
и пыльный —
Вдруг обернулся мукой чернильной,
И левдомек,
Как это вышло, в итоге конечном:
День растянулся и сделался вечным,
Строчками лег.

Лег и лежит у меня на пороге.
Как это вышло, в конечном итоге?
Брать ли в расчет
То, что теперь он вырезан в слове
И по его неподвижной основе
Время течет?

Время течет по основе недвижимой,
Ставшей отныне шорохом книжным,
Шелестом лип,
Пылью и ветром, пером и тетрадкой...
Собственно, в этом и скрыта загадка,
Хитрый Эдип.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ФИЛОСОФ

Я странствующий философ.
Я плоть. Все другие — тени.
Блуждаю во мгле вопросов
И в дебрях предположений.
У ваших домов печальных,
У выщербленной дороги
Я пью из ручьев хрустальных,
Обдумывая итоги.
Мой посох, мой старый посох,
Который в руке качаю,
Твердит мне: «Ответь, философ!»
И я ему отвечаю.
Я все распознал и видел,
Мне каждое диво внятно,
И бог на меня в обиде,
Но это тоже понятно.
И брызжут осколки света,
И дождь надо мной негодует,
А я объясняю ветру,
Куда и зачем он дует.

* *
*

Бьют Дария. Бьют персов. Тонет флот.
Чужая боль. Чужая неудача.
Я удаляюсь от дневных забот.
Прносят мимо раненых. Я плачу.
Сижу один. Обломки по воде
Плывут к столу и рапят мне колени.
И тонут корабли в кровавой пене:
В чужом несчастье и в моей беде.
И где мой дом — надежда и оплот?
И как мне жить? Я не могу иначе!
Бьют Дария. Бьют персов. Тонет флот.
Прносят мимо раненых. Я плачу.

ОСЕНЬ

Окончились пробелы и запинки,
Я лес читаю прямо с середины,
Я наизнанку вывернул его.
Слова приходят самые простые —
Они лежат, как листья золотые
В день торжества и горя своего.

Я говорю: деревья облстают.
Нагие ветви небо расшатывают,
Но в нем отвага юная жива.
Губами тронь бока его литые...
Слова лежат, как листья золотые —
Совсем обыкновенные слова.

Я жить хочу среди обыкновенных,
Таких скоропалительных и тленных,
Мешающихся с небом и листвою.
И может быть, без чиновочитанья,
Я их сведу в такие сочетанья...
А ты опять качаешь головой.

НОВЫЕ СТИХИ

* *
*

Черный камень Каабы,
Ах когда бы, когда бы
Я ладони к тебе приложил,
Ты мне все предсказал бы,
Ты мне путь указал бы,
А уж я бы тебе отслужил.

Камень хмурый и старый,
Покажи свои чары,
Дай увидеть грядущие дни.
Будь мне другом усердным,
Будь ко мне милосердным —
Обмани, обмани, обмани.

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.

А. Блок

Аптеку срыл бульдозер, а канал
Засыпали тому уж четверть века.
И четверть века не смолкает гул.
Ревут за пустырями самосвалы
В строительной пыли. И только Блок,
Приехавший автобусом последним,
Их прохота не слышит. Для него
Весь этот город — как мираж дрожащий,
И сквозь его случайные черты
Незыблемо и четко проступают
Канала рябь, обшарпанный фонарь,
И старая аптека, и аптекарь,
С улыбочкой умильной протянувший
Старательно завернутый флакон.
И пушкинские слышатся слова:
«— Твой старичок торгует ядом?
— Да, и ядом».
И Блок стоит — несчастный, молодой,
Бормочущий стихи, полуголодный.
Кого он ждет так поздно? Незнакомку?
И вот она проходит, каблучками
Отстукивая бойко. И — в подъезд.
Лифт загудел: шестой... восьмой... девятый...
Понес ее наверх — должно быть, к мужу.
И Блок один на темной мостовой.
Он, как улитка, створки закрывает
И слушает. Но он не призрак, нет.
Он сделал шаг — и камушек скатился,
И всплеск воды послышался... Я верю
В реальность Блока и в реальность мира,
В бессмертный гул строительных машин,
В тревожное бессмертие стиха
И в свой бессмертный город. Я устало
Вхожу в подъезд и, оглянувшись, вижу,
Как он стоит и смотрит на канал,
Засыпанный тому уж четверть века.
Я в лифт вхожу и закрываю створки,

Но лишь на миг. Шестой... восьмой...

десятый...

И вновь в окно на лестничной площадке
Влетает пром бульдозеров. Рука
Нашаривает смотровой листок.
Глаза сверяют адрес. Где-то здесь
Я получил квартиру от Литфонда.

* *
*

Сердца жесткие удары,
Ходят звезды в тишине...
Я-то знаю: мир-то старый
И давно знакомый мне.
Ленинград в пустыне снежной,
Кара-Даг в седой волне...
Я-то знаю: мир-то прежний.
Что еще он скажет мне?
Что он скажет, что он спросит
В вихре лет и свисте гроз,
Где вишу я, как на тросе
Растерявшийся матрос?
И в лочи густой и млечной
Кто-то катит подо мной
Этот бедный, этот вечный
Шар таинственный земной.

Ниобея моя, Ниобея!
Что ты плачешь с утра и до ночи?
Может, думаешь, что ослабею,
Поцелуями высушу очи?
И усну, и приснится мне снова
Все, что вытоптать память хотела:
Дым смолистый от веток сосновых,
Грешный запах повешеного тела.
Я вдохнул бы тот запах смолистый,
Но, вторгаясь меж явью и снами,
Равнодушный, холодный и чистый,
Меч двуострый лежит между нами.

* *
*

— Мне скучно, бес!
— Что делать, Фауст?

А. С. Пушкин

Ах, разорен мой сад
Таинственный и пышный,
В котором был бы рад
Попежиться всевышний.
Когда бы лист не бил
Прощальной желтизною,
Он, верно б, не забыл
Потолковать со мною.
Связь огненный дупек
Мы шли бы, не скучая, —
Кто человек, кто бог
Не слишком различая.
Была бы с миром связь
Прекрасной и беспорной,
А впереди, резвясь,
Бежал бы пудель черный.

* *
*

Мы вышли в полдень на опушку
По обмелевшему ручью,
И куковала нам кукушка,
И раздавала жизнь свою.
С какой-то щедростью лихою,
Когда уже оглядки нет,
Она дарила нам с тобою
То двадцать лет, то тридцать лет.
Ну что ж! Подбрось еще немпожко!
Пускай морочит нас морошка —
Все слаще ягодный дурман.
Мы годы спрятали в лукошко,
А горе сунули в карман.
Земля грозою пахла дивно,
И лету не было конца,
И, шапки сняв, четыре ливня
Стояли около крыльца.

СУДЬБА

Грудь ее была
Как улей на заре, как сад весенний.
Мы, мальчики, робели. Ну а ей,
Мне кажется, не очень-то хотелось,
Чтоб мы пред ней робели... И однажды...
Но тут внезапно началась война.
Теперь я знаю: каждая потеря
Невосполнима. Стоит растеряться,
И растеряешь многое — себя,
Судьбу, надежду... Да, теперь я знаю!
Лет через десять — двадцать я смогу
Похлопать по плечу Мафусаила.
Жизнь удалась. Окончен вкусный ужин.
Жена ушла, сказав: «Спокойной ночи!»,
А я рисую впуку паровозик
И вспоминаю: грудь ее была
Как улей на заре. Нет, не об этом.
Подумай лучше о другом, хотя бы,
Что грудь ее была как сад весенний.
Я был дуршой пчелой... Вот и осталось:
Очки в футляр, ботинки к батарее.
И пусть нас мучат молодые сны.

ПЕСНЯ

Ах, он был черен и курчав,
И он был прав, а я не прав,
Он пел, как сердцу пелось,
А не как мне хотелось:

По Рио-Негро!
По Рио-Негро!
Если только можно, по Рио-Негро!

Ах, можно, можно, замолчи —
Вот шорох волн, вот в рай ключи,
Билет, свисток, каюта...
И грустно почему-то.

По Рио-Негро!
По Рио-Негро!
Если только можно, по Рио-Негро!

Ах, то не я ли, посмотри,
Плыву под крылышком зари?
Мне отвечают: «Что ты!»
И грустно отчего-то.

По Рио-Негро!
По Рио-Негро!
Если только можно, по Рио-Негро!

Над горой Мтацминда дымка.
Я грузин, и ты грузинка.
На столе лежит лаваш,
За окном гудит Тбилиси,
И в каком-то высшем смысле
Это первый город наш.

Никого мы не видали,
Этих степ не покидали,
И явились мы на свет:
Я на улице Кахидзе,
Ты на улице Табидзе —
И сомнений в этом нет.

Где та улочка с горбинкой
И прогулочка с завитком?
Где твой колокола?
Где Давид, глядящий в воду?
Я еще здесь не был сроду,
Да и ты здесь не была.

Этих крыш сменок гортанной,
Этот воздух покаймный —
Все забудешь, все отдашь.
Скинем обувь у дороги
И в Куре омоем ноги —
Это первый город наш.

* *
*

Ладоней вспаханные пашни
Полны гармонией всегдашней.
Читаю в каждой борозде
Судьбы высокое значение —
И вдруг меняется течение,
И «чур-чура», и «быть беде».

Мне не спастись от линий грозных —
В них и «беги», и «слишком поздно»,
И ложь, раскрывшая крыла,
И боль, ползущая без звука,
И соль, и море, и разлука...
И ты ладони убрала.

И кто-то тихонечко стукнул в стекло,
Когда я читал Шодерло де Лакло.

Я стул отодвинул и встал у окна —
Была мне оттуда Фонтанка видна.

Кто — ворон или голубь, подлец или друг —
Хотел, чтоб я выпустил книгу из рук?

И вдоль по Фонтанке, меж горьких огней,
Ты слова уходишь из жизни моей.

Ты молча уходишь вдоль горькой воды,
Чтоб где-то твои затерялись следы.

И мне не догнать, не обнять, не прильнуть,
У горла ту пуговку не расстегнуть.

Был вечер печален и ветер тяжел,
Когда я вернулся и в книгу вошел.

Я в книгу вошел, как прошел по судьбе,
И губы нашел, и нагнулся к тебе.

Ага! Ты сдашься! В бою как в бою:
Книжкал разрезает шнуровку твою.

* *
*

Сок муравьиный острием птыка
Покальвает кончик языка.
По пруту с ободранной корою
Идут в атаку черные герои.
И мне кислинка вроде не кисла,
И не могу я причинить им зла.
Они спешат с отвагой непреклонной...
И прутик с муравьиною колонной
Я бережно кладу на шар земной.
Пускай друзья смеются надо мной:
Не бойтесь, я не поступлю жестоко,
О Рыцари без страха и упрека!

* *
*

А во дворе стропильный разброд:
Щебенка, балки — тут не до парада!
Оглядываться в прошлое не надо.
Махни рукой, и выйдем из ворот.
Трамваи совершают поворот
У Летнего сверкающего сада,
Нагая улыбается няяда,
И воробей колено ей клюет.
Ты прячешься в прохладу и в испуг,
В тени Амур натягивает лук,
И лебеди, как мамельские боги,
И рядом с ними уточка в воде —
Крестьяпочка, не знающая, где
Кончаются небесные тревоги.

Я ни за что бы сам не вышел на порог,
Но в комнату мою вломились сто дорог
И, выбросив меня из теплого уюта,
Рванулись из-под ног и скрылись почему-то.

И ужас заглянул в глаза мои тогда,
И мелкой рябью шла от ужаса вода,
И, словно женщины, деревья предлагались,
И тени страшные вокруг располагались.

И я услышал свист, который был высок,
Как будто кто-то гвоздь вколачивал в висок,
И я сказал свой стих, как стои, как заклинанье,
Как человек во мгле, идущий на закланье.

И как он ни был тих и жалобен, тот звук,
Он сделал лесом лес, он сделал лугом луг.
Как совы, унеслись мои почные страхи,
И я уже стоял, а не лежал во прахе.

И Крым передо мной прекрасен был и дик,
Его песчаный бок лизал лазурный бык,
Я по дороге шел — к семье, к перу, к бессонью,
И сердце на груди придерживал ладонью.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Вступительное слово Сергея Орлова</i>	5
«И ты — моя утеха и отрада...»	7

I

Сцены из жизни Бетховена (Отрывок)	8

II

«Звенели осы в синней зной...»	11
«Прямо в облаке развели костер...»	12
«И, прошлое отбросив мигом...»	13
«И опять про счастье, про победу...»	14
«Сегодня на закате дня...»	15
Старый беркут	16
«Ты напрасно голову морочишь...»	17
Невеста	18
«Быть может, так и вправду надо...»	19
«Сегодня в квартире уборка, уборка...»	20
«Утро — босое, озябшее...»	21
Следы	22
«Золотые ворота...»	23

III

«Эшелон составлен не по форме...»	24
«Был соперник счастливый...»	25
«А мы разжигали костры эти тоже...»	26
Сказка	27
«На сцене, под прожекторным лучом...»	28
«— Кем ты хочешь быть на бригадине?...»	29
«Муравей — Самсон, Поддубный скромный...»	30
«Спроси стрижей...»	31
«Сегодня, в колокольный день Шекспира...»	32
Первая книжка	33
Поэт	34
«Какие незнакомые предметы!...»	35
«Спасибо за движение!...»	36
«Касанье взглядов и локтей...»	37
Плохое настроение	38
Ревность	39
«Там ива, опираясь на костыль...»	40
«Не пусти меня по миру, по миру...»	41
«Когда душа в тревоге чудной...»	42
Мой дед	43

«Он раскинулся щедро, рубаху сорвав...»	44
«Свернем сюда, не падо напрямиком...»	45
«Леса набросаны вчерне...»	46
Сюита Баха «На отъезд любимого брата»	47
«Литейный цех земли, плавильня...»	48
«Я новый день — мешком на плечи...»	49
«Дашенька, Иван Ильич уехал...»	50
«И покатились дни, как малые песчинки...»	51
«Я слышу, как скрипит земная ось...»	52
Невеста Икара	53
«Нас Летний сад не водит за нос...»	54
«Зачем тоскуешь серыми глазами?...»	55
«Дорога, дорога, дорога...»	56
Утро в Зеленогорске	57
«Леса темные провалы...»	58
«Скрипит поселок дачный...»	59
«Не тяжесть обола, не стиксовы воды...»	60
«Была уютной тишина...»	61
«Акробаты, акробаты...»	62

IV

«Записная книжка...»	63
«Я на спине лежал. Качалось небо...»	65
«Переменная облачность жизни моей!...»	66
«Лес на марше, деревья на марше...»	67
«Я понял нынче утром...»	68
«Поляны под снегом мокрым...»	69
«В сердце корочкой стучащий...»	70
«С вас причтается море горстями...»	71
«Я оправдал доверие стола...»	72
«Когда я смотрю на портрет Эйнштейна...»	73
Баллада о полотерах	74
«Певортился барометр старинный...»	75
«Книга детства! Где ты? Здравствуй!...»	76
«Мой добрый нож, тебя беру я в руки...»	77
«Мопета блещет по краям...»	78
Дуб	79
«Мой заветный город Китеж...»	80
Монолог ручья	81
«Еще воробьи простуженные глотки...»	82
«Ты говоришь: я очень постарел...»	83
«Нет, никогда календарю...»	84
«Ну-ка, Бобышев, курнем...»	85
«А парень говорил, колено обхватив...»	86
«Прямо из поэмы...»	87
«В пути родился Шейдаи...»	88
«Я еще не привык, я смущен...»	89
«Меня, как парус, вынесло на гребень...»	90
«К середине книги резче...»	91
«Сколько было крыш чужих...»	92
«Путешествие в Опочку...»	93
Крымская поэма	94

V

«Звезда покати́лась над степью, над степью...»	97
Сон	98
Колоколу Ростова Великого	99
«Дорога к озеру спускалась...»	100
Осенняя песня	101
«Маршак сидит в халате и брюзжит...»	102
Два сонета	
I. «В траве медлительной, где дремлет ветерок...»	103
II. «Укладывайся, миленький, в сонет...»	103
«Жить бы мне в Греции древней, воспетой стократно...»	104
«Я — Прометей. Орел мне печень рвет...»	105
«Восходят дыма смуглые колечки...»	106
«Мы снова затеяли перестановку...»	107
«И сказал мне парикмахер слова...»	108
«Не падай, Пизанская башня, не падай...»	109
«Что же ты, детство, меня уверяло?...»	110
«Когда я брел в почти обманной...»	111
«На снегу стоят дома...»	112
«Когда гроза безумствует над крышей...»	113
По мотивам Киплинга	114
«Убей змею — и семь грехов простится...»	115
Памяти Заболоцкого	116
«Мы оставим за спинами города гром...»	117
«Вот и открылся ящик Пандоры...»	118
Две песни	
1. «Аист, добрый аист...»	119
2. «Роят землю — не унять!...»	119
«Что в мире лучше города почного?...»	121
«Кроткий лик на свиреином металле...»	122
«Архаике-охальнице смешно...»	123
«Какой-нибудь насквозь соленый шкипер...»	124
«Скажи, какой резон...»	125
«Над покинутым садом...»	126
«Забившись в табакоем пропахшую берлогу...»	127
«Тяжелую шляпу в руках теребя...»	128
«Искусительница, змея...»	129
«Вот дама с насморком, вся в черном и шуршащем...»	130
«В пяти телегах ехали цыгане...»	131
«Я хотел бы в этой будке...»	132
«Вы мне спойте, Надежда Андреевна...»	133
«Мушкетеры господина де Тревиля...»	134
«Девчонки длинноногие! Не мне...»	135
«Все мне снится местечко Кобоны...»	136
«Дождь моросит и в Лондоне, и в нашем...»	137
«Эти угрозы...»	138
«Когда на лес упала...»	139
«Бредет по дороге корова...»	140
«Давайте пойдем на бульвар Капуцинок...»	141
«Эта девочка — Нана...»	142
«А мы запрячемся в строке...»	143
«Здесь жил переводчик с китайского...»	144
«Собственно, день этот — резкий и пыльный...»	145
Средневековый философ	146

«Бьют Дария. Бьют персов. Топет флот...»	147
Осень	148

НОВЫЕ СТИХИ

«Черный камень Каабы...»	149
«Аптеку срыл бульдозер, а канал...»	150
«Сердца жесткие удары...»	152
«Ниобея моя, Ниобея!..»	153
«Ах, разорен мой сад...»	154
«Мы вышли в полдень на опушку...»	155
Судьба	156
Песня	157
«Над горой Мтацминда дымка...»	158
«Ладоней вспаханные пашни...»	159
«И кто-то тихонечко стукнул в стекло...»	160
«Сок муравьиный острием штыка...»	161
«А во дворе строительный разброд...»	162
«Я ни за что бы сам не вышел на порог...»	163

Лев Савельевич Друскин
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор

Б. Г. Д р у я н

Художник

В. В. Б а б а н о в

Художественный редактор

А. К. Т и м о ш е в с к и й

Технический редактор

Г. В. П р е с н о в а

Корректор

В. Д. Ч а л е н к о

Сдано в набор 1/VI 1976 г.
Подписано к печати 24/IX 1976 г.
М-19239.

Формат 84×100¹/₃₂

Бумага тип. № 1.

Усл. печ. л. 8,19.

Уч.-изд. л. 4,54.

Тираж 13 000 экз.

Заказ № 621.

Цена 45 коп.

Лениздат,
191023, Ленинград,
Фонтанка, 59.

Ордена
Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского
Лениздата,
191023, Ленинград,
Фонтанка, 57

